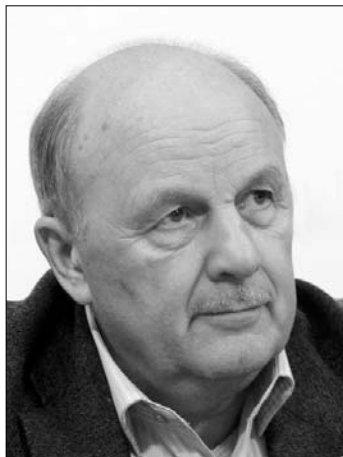

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

РЕКИ ПОМНЯТ СВОИ БЕРЕГА

РОМАН*

Боже... Ты допускаешь страдания избранных Твоих, чтобы они, как золото, на огне и через огонь страданий очистились... и еще больше засияли.

Молитва о русском народе епископа Николая (Велимировича). Сербия (1935)

Часть первая

БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ

Глава 1

Холод никуда не спешил.

Жертва, оставленная ему на прокорм, прикована к стене. Стена — в пещере. Пещера — в горе. Гора — среди кишачей гадами колумбийской сельвы. Кащейю Бессмертному обзавидоваться, но не найти более надёжного места, чтобы спрятать свою смерть.

---

* Журнальный вариант

ИВАНОВ Николай Федорович родился в 1956 году в Брянской области. Закончил Московское суворовское военное училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Воевал в Афганистане, провёл четыре месяца в плену в Чечне. Автор более двадцати книг прозы и драматургии, лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, "Сталинград", ФСБ России. Награждён орденом "За службу Родине в ВС СССР" III ст., медалью "За отвагу". Председатель Союза писателей России. Живет в Москве.

И времени — до утра. Много времени — сто звёзд упадут с небес, промелькнув отражением в священном озере Гуатавита, в котором смывал с себя позолоту вождь Эльдорадо*.

В жертву принесён человек. Роста небольшого, потому что охранникам, которые привели его сюда, пришлось удлинять цепь, оставшуюся после предыдущего узника. Это не сильно облегчило жизнь пленника, но теперь он имел возможность хотя бы слегка касаться ногами пола, а не висеть на цепи.

Почему пленник здесь, холоду знать неинтересно. Люди вообще странные существа. На одном языке говорить не научились, но при этом спорят, кто из них ближе к Богу. Только ведь Всевышний охранной грамоты на главенство никому не выдавал, а потому и подвешивают раз за разом здесь несчастных...

Едва охранники вышли, холод коснулся оголённых рук пленника. Сбитые в кровь, жилистые, они не понравились ни на вкус, ни на запах. Тронул лицо, ощупывая скулы, изучая разрез глаз, трогая жёсткие чёрные усы. Попытался понять, конкистадору** из какой страны оно может принадлежать. Угадывались черты перса, но это наверняка внешний обман, разгаданный логопедом: чужестранец способен приобрести черты народа, среди которого живёт, потому что звуки и слова на местном диалекте заставляют напирать определённые группы мышц, которые и формируют облик.

Да и холоду не раз предоставлялась возможность видеть здесь людей, которые в паспорте значились под одним именем, а потом признавались в иных. Следует лишь немного подождать: на каком языке человек молит о пощаде, отсюда и родом.

Пленник попытался размять лицо левой, свободной от наручников рукой. На какое-то мгновение оно покраснело, и холод чуть отступил. Но не из-за страха перед ожогами, а чтобы сосредоточиться: где-то он уже видел такие покрасневшие на морозе лица, где-то встречал на земле этот жест. Где-то на севере, потому что тут, в Колумбии, особой надобности людям учить северные движения нет. К сожалению, темнота, даже не постучавшись, уже вползла в грот, и какие-то детали, позволившие бы раскрыть тайну, с ходу разглядеть не удалось. Да и важно ли, в конце концов, чья кровь начнёт застывать в несчастном теле?

Переждав, холод подступился к жертве вновь. Одежда на ней, хотя и летняя, для жаркого дня предназначенная, всё же мешала завладеть пленником сразу и полностью. Но ведь и ночь только начиналась. И темнота звала, увлекала сиреной в самые дальние закутки. Нет большей гармонии и идиллии на земле, чем союз мрака и холода, при которых люди солнца обречены на погибель. И впрямь, надо лишь чуть подождать, и вкусный плод сам упадёт к твоим ногам.

Потом холод так и не вспомнил, в какой момент прикрыл в блаженстве и усталости глаза. Но когда спохватился, выход из пещеры для него самого оказался отрезан: проснувшееся солнце босой ножкой-лучиком уже заступало в подземелье. Темнота, всю ночь набивавшаяся в жёны, улизнула из пещеры в одиночку, не предупредив о рассвете ни вдохом, ни выдохом. Видать, женщинам если и страшно одиночество, то лишь ночью. При свете они все — неподступные королевы!

Зато никуда не исчез человек. Он висел на цепи без движения, пристроив голову около вздёрнутого плеча. Можно было ещё раз подступиться к сонному, потерявшему бдительность чужаку и пощипать его хотя бы в отместку за ночную неудачу, но временная победа не имеет мудрости. Не все песчинки на дне священного озера Гуатавита успеет осветить и пересчитать солнце, а день опять истлеет. Жертву же, судя по всему, привезли надолго. Так что время позабавиться ею ещё наступит.

* Обычай чибча-муисков, когда нового правителя этого колумбийского племени натирали смолой и покрывали золотым порошком. На восходе солнца, сверкая в лучах, он плыл на плоту на середину озера и бросался в воду, смывая с себя золото в дар Гуатавита.

** По-испански — завоеватель. Как правило, европеец, которого гнала в Южную Америку жажда наживы, романтика золота. Именно конкистадоры первыми начали искать сказочную страну Эльдорадо, прослышав о ритуале прихода к власти вождя племени чибча-муисков.

У входа в пещеру послышался скрежет гравия. Холод юркнул в первую попавшуюся расселину, и вовремя: вошедший охранник освещал себе путь жарким факелом. Подвернись такому под руку — бока подпалит, не спротив фамилию.

Пришелец проделал это с человеком, ткнув смердящий огонь под его вздёрнутую руку. Пленник, вмиг проснувшись, отбил факел свободной рукой. Охранник остался недоволен, но играть огнём перестал. О чём-то заговорил. До расселины, где затаился случайный свидетель пыток, донеслось лишь одно разборчивое слово — “советский”, и холод, едва не выдав себя, хлопнул по лбу: точно, его ночной соперник — славянин, из России. Как же он сразу не догадался! Именно там при его появлении трут носы и щёки. Там в сто-давние времена его измеряли не в градусах, а в смешных записях “зело” или “не зелено холодно”. После появления термометра, научив красный ртутный шарик скользить в стеклянной трубке, опять же там требовали от наблюдателей “смотреть накрепко, чтобы в близости одного инструмента никакая чужая теплота, кроме той, которая по воздуху чинится, не была”. Уважали. Ценили его в России. По большому счёту, там его историческая родина.

Но какие ветры занесли человека с края света в самый центр Земли? И стоит ли подтверждать “советскую” догадку надзирателю с факелом? Не получится ли, что вместо благодарности самому ткнут в лицо огнём, требуя подробности?

— Е-гор Бу-е-ра-шин.

Голос факельщика тихий, вкрадчивый. Так сдерживают радость, когда узнают тайну. Она — в имени?

— Е-гор Бу-е-ра-шин, — повторилось с ещё большим ехидством, теперь уже над самым ухом пленника.

Факел рисовал на стенах мало кому понятные разводы. В их дрожащих завитках прятал свои щупальца и холод, с интересом разглядывая при свете жертву. Пленник оказался настолько слаб, что повис на руке, не имея сил распрямить колени и опереться носками о пол. Прозвучавшее имя открыло ему глаза, но веки в тот же миг вновь бессильно опустились, оставив для света лишь тончайшую сеточку из ресниц. Возможно, чтобы увидеть приближающуюся смерть.

Охранник, освобождая ей путь, ушёл, воткнув факел в расселину. Огонь потянулся следом за хозяином, но оторваться от маслянистой, пузырящейся пакли сил не хватило. Оглянулся на того, с кем предстояло коротать время, и несказанно удивился перемене, вдруг произошедшей с пленником. И колени у того выпрямились, и ноги обрели упругость, и пальцы заработали, сжимаясь в кулаки. Значит, всё происходящее с ним, — обман?

Но едва охранник вновь появился в пещере, русский обмяк, повис на наручниках, уронил голову на грудь.

— Смотри, не подохни, падаль, — пригрозил конвоир.

Сказал на своём языке, но понятно и для огня, и для холода, и для несчастной жертвы. Но вместе с пренебрежением к пленнику в голосе послышалась и тревога. Скорее всего, в планы сторожей не входило заполучить подвешенный на наручниках труп.

— Эй, ты жив?

“Жив, — бессловесно откликнулся тот, кого назвали Егором Буерашиным. — Но ты подойди, посмотри”.

Умолял не зря: вплотную охранники приближались к пленнику, если действовали в паре. Это случалось лишь по вечерам, когда снимали с петли — вывести в туалет и дать лепёшку с чаем. Сейчас день, и надзиратель зашёл один: пленник хирел на глазах, и требовалось наблюдать за ним чаще.

Колумбиец приблизился настолько, что почувствовался запах чеснока и перегара. Егор задержал дыхание, и охранник сделал ещё один шаг. В ту же секунду Буерашин выбросил вперёд ноги, обхватил ими шею врага. Тот запоздало попытался отпрянуть, но свободной рукой пленник уже ухватил его за волосы. Правая рука обрывалась на цепи, не выдерживая двойной тяжести, но Егор продолжал тащить к себе отбивающегося тюремщика. И едва позволило расстояние, замкнул ноги на горле у чесночного пьяницы.

Захрипели — один от боли, второй от напряжения. Победителем мог выйти только один, и когда под коленкой Егора мягко хрустнуло, тело охранника мгновенно обмякло.

— Стоять! — зашептал Егор, заваливая мертвеца себе на грудь.

Труднее, чем совладать с колумбийцем, оказалось удержать его на весу, не дать упасть: ключ от наручников лежал в кармане, и теперь предстояла не менее сложная задача — достать его.

— Стоя-ять, — уговаривая и угрожая, шипел Егор в ухо мертвецу.

Тело удержалось, и пленник смог опереться на одну ногу, дал передышку правой руке, по которой текла кровь от содранной кожи. Осторожно заскользил рукой к карману, боясь оплошным движением уронить труп. Сумел. Дотянулся до вожделенного схрана, мелким воришкой запустил внутрь пальцы. Ухватил щепоткой нить, на которой — он помнил всегда! — висели два блестящих, словно от шифоньера, ключа. На этом силы кончились, и он опустошённо стяхнул с себя тюремщика. Теперь можно, теперь весь мир под ногами, когда в руках ключи от собственной свободы.

Передохнув и прислушавшись, Егор встал на труп. Не церемонились с ним, бьётся за жизнь и он. Дотянулся до наручников, не с первого раза, но попал ключиком в отверстие. Рука, освобождённая из металлического захвата, упала вниз. От неё, покалеченной и прижатой, помощи ждать не приходилось, и Егор сунул болящую меж оборванных пуговиц рубашки к животу: греться, лечиться. Ещё пару секунд потратил на то, чтобы однолапо обшарить одежду убитого. Оружия не оказалось, попался лишь складной нож, а в нагрудном кармане куртки — плоская зажигалка да завёрнутый в фольгу кусок недоеденной шоколадки.

— Спасибо, — порадовался находкам Егор. Пленнику вредно мечтать о будущем: чтобы оно существовало, необходимо подчиняться только настоящему. А оно звало к выходу. Факел, остающийся в пещере в одиночестве, заметался от страха, потянулся за сокамерником — возьми с собой. Не возьмёт. От выхода сеялось зыбкое свечение наступающего дня, и это шло бывшему заключённому на руку: ночью в сельве делать нечего, к темноте нужно готовиться, чтобы проснуться утром живым, а не ублажать брюхо койота или крокодила.

Густеющий с каждым шагом свет манил, но Егор, как мог, сдерживал порыв. Свободы ещё нет, она лишь приподняла вуаль со своего прекрасного личика. Существует ли внешняя охрана пещеры? С какой целью его прячут в сельве? От кого? Сколько времени прошло после ареста*?

Недалеко от входа послышались голоса, но охрана, на счастье, занималась утренней приборкой лагеря и пропавшего товарища могла хватиться не сразу. Но как узнали его имя? Кто из группы не выдержал**?

Егор осторожно осмотрел местность. Перед гротом лежала небольшая, свернувшаяся преданной собачкой поляна. Справа — сборно-щитовой домик. Дверь распахнута, словно приглашает в гости. Спасибо, когда-нибудь в следующий раз. И желательнее не в этой жизни. А вот налево должна уходить тропинка к туалету — это Егор помнил по ночным выводам. Где-то внизу протекает ручей — водили мыться. Туда по склону и легче бежать, но разведчик юркнул за пещеру. В густую, даже на вид непроходимую, влажную лесную гущу.

Глава 2

Возраст такой, когда внукам — сладкие конфеты, а ему — горькие воспоминания. А их у Фёдора Буерашина — целая жизнь, почти от гражданской войны.

* Разведчикам, находящимся в тюрьмах иностранных государств, день засчитывается за шесть.

** Группу Е. Буерашина вскрыло РУМО — военная разведка США, после того как советские боевые пловцы, обеспечивая скрытый заход советских субмарин в Карибское море, “заглушили” американские контрольные буи, установленные на морском дне. Более подробно о действиях советских боевых пловцов за пределами страны говорить ещё рано.

Хотя на судьбу грех обижаться, перепадали и счастливые времена за семьдесят пять годков. Да вот крылья у ангела, что прикрывал доселе их род, видать, сильно истончились, а беда как ждала за воротами. Сначала списали по сердцу из лётчиков старшего сына Ивана. Словно доказывая врачебную ошибку, боясь оказаться ненужным, сразу же подрядился на ликвидацию аварии в Чернобыле. Да ещё с женой. Успокаивал земным: за день работы в заражённой зоне — месячный оклад. Зато дом обустраивают. Да только когда дармовая копейка счастье приносила? Свой угол с Марией не успели поставить, здоровье долго не продержалось. Купили имеющийся колхозный. Да пожили в нём совсем ничего, и всё больше в радиационных муках. Чернобыль закрыли в саркофаг, а Ивана с женой — в домовины...

Сердце ещё не перестало разрываться за детей, а на погост влед за ними отправилась жена. Думал, после всех напастей от пушинки повалится, но и случившегося кому-то показалось мало — пропал младший сын Егор. Считай, с Нового года ни слуху, ни духу. Был бы пьяница или коммерсант, волнений меньше: память отшибло или дела закрутили. Но тут расклад иной, офицерский. Военком, знамо дело, убеждён в лучшем:

— Раз процент от его зарплаты переводят вам строго по месяцам, то жив. Значит, он так велел финансистам делать.

— Но ведь не случалось, чтобы на двадцать третье февраля не поздравил.

— По погибшим платят другим макарон и один раз.

Майор вышел в начальники из местных и не чурался земляков. Шепнул военную тайну:

— Скорее всего, на каком-либо задании ваш Егор. Может, и за границей. Вот поглядите, моя будет правда.

При другом случае погордиться можно было бы секретным заданием сына, но ведь неспроста ни с того ни с сего эти почтовые проценты-переводы идут, всё-таки стряслась с Егором какая-то беда. Бог с ним, с Днём Советской армии, но и в День Победы весточки не подал...

— Дедушка! — вдруг встревоженно вскрикнула внучка Анечка.

Фёдор Матвеевич поднял голову. Возле одного из столбов, замерших вдоль дороги с обвисшими, словно казацкие усы, проводами, увидел людей. По машине узнал Бориса Сергованцева, первого фермера в районе, про которого устали писать даже газеты. Сын бывшего комиссара их партизанского отряда, а затем первого секретаря райкома партии Евсея Сергованцева.

— Дедушка, а что они делают? — вцепилась в рубаху Аня.

Испугалась не зря: Борис с шофёром, придавив к земле мальчика, надевали ему на шею металлический ошейник. Кто-то третий при появлении свидетелей юркнул в машину, и Фёдор, боясь угадать знакомую спину внука Василия, опустил взгляд на валявшиеся у обочины кукурузные початки. Крикнул:

— Что ж вы творите, природы!

На него безбоязненно обернулись. Почувствовав слабость в хватке, мальчик попытался вырваться, однако его ударили по ногам, заставив замереть.

— Езжай, дед, как ехал, — огрызнулся водитель.

Но Борис узнал прохожих, вышел навстречу, поднимая лёгкое пыльное облачко от потревоженной придорожной травы.

— Здоров, Фёдор Максимович. Куда собрался?

— Я-то собрался, а вот вы что творите?

— Не будет шляться по чужой кукурузе. Посидит до вечера — и другим закажет.

— Но на цепь... — не понимал Фёдор.

— Так если на веревку — перегрызёт, — в свою очередь не понял удивления фермер.

— Отпусти, — приказал старик, для острастки застучав передним колесом велосипеда по дороге. — Никто не давал тебе права людей за собак держать.

— Фёдор Максимович, ты мне не указывай, — улыбнулся Борис, не убоившись велосипедного гнева. — Земля моя, дадена государством, и я буду на ней делать всё, что пожелаю.

— Отца постыдись.

Напоминание не пошло на пользу. Борис раздражённо хмыкнул, развернулся идти обратно. Водитель уловил настроение начальника, побежал к машине, завёл мотор. Стараясь не пылить, бережно подал джип к ногам хозяйина. Вытолкнул дверцу с нарисованной на ней молнией.

— Ты бы лучше уговорил его поехать в больницу, — попросил Борис лесника, закрывая глаза тёмными очками. Не попрощавшись, скрылся теперь уже за тонированными стеклами джипа весь. Был человек — и нету. Лишь мальчик остался на цепи. И в машине второй спрятался. Васька или, даст Бог, не он?

Прижал внучку, укрывая от взметнувшейся после машины пыли. Ветра не было, облако повисло надолго, и к столбу пришлось идти едва ли не на ощупь. Мальчик лет тринадцати отрешённо сидел на земле. Походил на городского, и Фёдор первым делом поинтересовался:

— Ты чей?

Тот пробормотал что-то неразборчивое и уткнул голову в поднятые колени, стыдясь своего рабского и воровского положения.

— погоди, Анечка. — Фёдор попробовал оторваться от внучки. Но та вцепилась мёртвой хваткой, и только сейчас он заметил, что она дрожит. Положил на землю велосипед, присел перед девочкой. Заслоня заложника, постарался как можно спокойнее улыбнуться: — Это дяди так шуткуют. А мы поможем мальчику. Поможем?

Аня закивала, и старик снял с руля сумку. Отыскал в ней кулёк с конфетами:

— Вот, ещё гостинец маме с папой. И сама можешь взять.

Сладости пересилили испуг, и пока девочка возилась с кульком, Фёдор Максимович выудил молоток и зубило. Для иных целей предназначались, а в дело вступать придётся им раньше срока.

— Дай посмотрю, — подступил к парню.

Тот опустил руки, открывая схваченный болтом ошейник из медной пластины. Фёдор приноровился к цепи, и нескольких ударов по зубилу хватило, чтобы она разъехалась по столбу обрубленным хвостом.

— А ошейник дома ножницами срежешь, — посоветовал мальчику.

Аня сердобольно протянула ему конфету. Забота маленькой девочки совсем отняла у парня силы, и, поняв, что слёз не спрятать, он сквозь прорвавшиеся рыдания проговорил:

— Я приехал в Алёшки... а у бабушки кушать нечего, болеет... Я всегда кукурузу рвал...

— А откуда приехал? — попробовал отвлечь мальчугана Фёдор.

— Из Москвы. А бабушка лежит...

— Как звать?

— Витёк.

— Ничего не бойся, Витя. А сейчас иди домой.

Пряча неожиданные вериги под рубашку, не глянув на валяющуюся под ногами кукурузу, кромкой поля мальчик поспешил прочь.

— А зачем дядя это сделал? — никак не могла отойти от потрясения Аня.

— Денег много, — нашёл единственное объяснение Фёдор.

Глава 3

Егор присел на корточки, огляделся. На слух отыскал увильнувшее в сторону русло реки. Нашёл в его извилистом, зажатом камнями теле укромный изгиб. Разделся. Сначала постирал одежду, потом тщательно вымылся сам, используя вместо мочалки песок. Словно товар на прилавок, выложил на ствол слоновой пальмы бороду, постарался поровнее отчеккрыжить ножом лишнюю длину. Развевал волосы среди тростника.

Знал, учили: не потому он смог оторваться от погони, что преследователи оказались плохими ищейками. Настоящий охотник не гонится за зверем, он перехватывает его близ водопоев, на перевалах, у переходов через реки и ущелья. По отношению к Егору задача у них одна — водворить беглеца на прежнее место. К прежним оковам. Но уже на обе руки. И на ноги

тоже. И шею. И каждое утро затягивать на них болты на четверть оборота. Сначала это покажется незаметным, но со временем именно рассветы превратятся в ожидание очередной ступеньки в сужающийся ад.

“Закон крокодила”: не возвращайся по тому пути, по которому пришёл. Как ни универсально и неуязвимо бронированное чудище с острыми гребёнками по спине, охотники за его шкурой прекрасно знают главный недостаток рептилии: в воду он возвращается только по своему следу...

Теперь для разведчика самую большую опасность представлял вёрткий и осторожный чибис. Он не только чистит зубы аллигатору, но является и непревзойдённым сторожем. В отличие от полицейских, птица бдительно-сти не теряет, и если тревожно вспорхнёт, крокодил тут же сомкнёт все тридцать клыков и бросит тело в родную водную стихию.

Спецназовец вытащил нож, потрогал заострённый конец лезвия, похвалил чесночного полицейского, не покупившегося на хорошую сталь. Самая безопасная охота на крокодила — это, конечно, выстрелить в его улыбку, в уголок губ. Но где тот карабин!

Отыскав в зарослях корявый сук, проткнул его лезвием. В траве бесшумно подползти к сладкой парочке не удастся, самый оптимальный, но и самый опасный путь — это вода, приблизительно тридцать метров среди пиявок и возможных собратьев пляжного ловеласа! При этом зная, что крокодилы не сразу поедают свою жертву, а затаскивают её в подземные пещеры и дают время размокнуть, чтобы потом рвать кусками. Бр-р-р-р...

Охотник передёрнулся, но ступил в воду, держа наготове нож с уродливой рукояткой. Приходилось надеяться, что мощные особи не терпят рядом в водоёме себе подобных.

Человек поначалу шёл, согнувшись, вдоль берега, разрешая воде обгонять себя. Оставшийся десяток метров, не рискуя тишиной, погрузился в воду, поддаваясь её течению. “У дороги чибис, у дороги чибис, он кричит, волнуется, чудаки”, — вспомнилась школьная песенка. На уроках пения каждый ряд в классе исполнял по одному куплету. Те, которые сидели справа от учителя, поневоле знали начало всех песен...

У самого берега ногу обожгло чьё-то прикосновение. Скорее всего, о тело споткнулся какой-нибудь малёк, но пловец поторопился на сушу. Это в Африке о попавшем в пасть крокодилу спокойно говорят: “Ханзуру схаври йя мунгу — Ничего не произошло, на то была воля Божья”. Но не надо такой вышей воли! Нам желательно вкопать деревяшку с торчащим ножом в след, оставленный на песке аллигатором...

Вкопал. Отполз обратно в воду. Отплыл вниз по течению. Прихватив со дна камень поувесистей, восстановил дыхание и с шумом выскочил на берег. А вот теперь давай, чижик-пыжик, поднимай тревогу!

Чибис вспорхнул так стремительно, что едва не оставил лапки меж клыков. Крокодилу же пришлось сначала разворачиваться на сто восемьдесят градусов, а потом лишь бросаться к воде. Достичь её в один прыжок с коротких лап не смог, и тогда сильным гребком подтянул себя незащищённым брюхом к реке — да по песку, да по собственному следу, а там — по торчащему острию ножа. Из раскрывшейся пасти раздался утробный звук, ящер попытался вырваться из боли, жгущей снизу, но резкое движение только усугубило её. Спасение ждало в воде, и из последних сил зверь вновь потянулся к плещущейся мутной кромке.

Боясь, что добыча уйдёт, человек бросился к раненому чудищу, что есть силы ударил камнем меж глаз-перископов. Тут же отскочил, опасаясь удара хвостом. Вовремя — острый наконечник едва не достал ног. Охотник схватил новый камень, бросил его в открывшуюся навстречу пасть. Хвост вновь взметнулся, но уже не чувствовалось в замахе стремительности и неотвратимости возмездия. А спецназовец всё бросал и бросал в голову, в пасть камни. И коряга под нож, видать, попала удачная, держалась в песке надёжно, причиния рептилия дополнительные страдания при каждом новом движении.

Когда обессиленный хищник оставил попытки вырваться из западни, человек сел неподалеку и, подобно чибису, принялся сторожить его. Это для аборигенов вся живность делится на два вида: много мяса и мало мяса.

Змеи, косули, броненосцы съедаются сразу, а вот буйволы, крокодилы разделяются на части, мясо вялится на будущее. Знал и охотник, что делать. Сначала выпотрошить внутренности, отделить себе несколько кусочков мяса, по вкусу похожего на курицу. Остальное закопать в песок, чтобы ничего не попало в воду и не привлекло запахом новых рептилий. Потом залезть внутрь чучела и на рассвете проплыть в нём меж полицейских постов.

Рано утром по залитому солнцем, провонявшему рыбой городу бродил глухонемой старик. До него никому не было дела, и это помогало бродяге исподлобья изучать дорогу в порт. Там кипела своя, прибрежная жизнь: люди скандалили, что-то меняли, продавали, попрошайничали, готовили кушанья. Бродячие музыканты выщипывали из гитарных струн популярную здесь мургу, выдували трели на свирелях-чиримиях. Детвора гоняла в футбол, бородатые метисы, особо не прячась, предлагали прохожим белые пакетики с наркотиками. А в воздухе витал, царствовал божественный запах касуэлада-марискос — тушёных морепродуктов.

Здесь легко было затеряться на года, но в толпу старик не пошёл. Он отыскал себе местечко в тени пальмы, где никто не мешал оглядеть и изучить флаги на кораблях, стоявших на рейде и под погрузкой. Утешительного, судя по всему, ничего не увидел, и тогда позволил вниманию переключиться на себе подобных бродяг, рыскающих вокруг порта в поисках еды. Свернул к ним.

Глава 4

К Тихоновой пустыни народ прибывал на лошадях, велосипедах, машинах, а кто и пешком. Манила всех, конечно, в первую очередь, родниковая вода. По преданию, первым стал на колени перед бившим из-под земли ключом и сделал глоток воды некий старец Тихон. Кто он, откуда, куда и зачем шёл — про то преданий не сохранилось. Чем глянулось ему это место, тоже осталось неизвестным, но у воды блаженно и завершил земную жизнь, отмаливая в долгих часах людские прегрешения. Тогда и потянулись к Тихоновой пустыни люди. А когда ещё и чернобыльская радиация непостижимым образом обошла святое место стороной, во всей округе уверовали в его целебную силу.

Анютке не сподобилось побывать в Пустыньке раньше, и она глядела на скопление народа во все глаза.

— А люду-то, люду! Как в Москве, — прошептала заворожённо.

— В Москве поболее будет, — не согласился Фёдор, хотя сам последний раз бывал в столице едва ли не сразу после войны.

Боясь нечаянно нарушить чужие порядки, какое-то время оба приглядывались к паломникам издали. Пообвыкнув, подошли к ручейку в каменном жёлобе, под который люди подставляли посудину или просто ладони.

За порядком наблюдала старая монашка в склонённой молитвенной позе. Очнулась при появлении свадьбы. Неодобрительно глянула на шумливый людской клубок с гармонью внутри, но когда жених с невестой подошли к источнику, придала голосу надлежащую назидательность:

— Чтобы водица была целебной, промойте сначала ею глаза и уши. А то вы в городе слишком много плохого видите и слышите.

Молодые притихли, прилежно принялись тереть глаза. Монашка подучила и дальше:

— Вы забрызгивайте, забрасывайте воду внутрь, чтобы не веки, а глаза омылись.

Аня внимала происходящему с благоговением. Дождавшись своей очереди, попробовала повторить омовение по услышанным правилам. Старушка одобрительно кивнула и, убедившись в установленном порядке, отошла к сосне, к стволу которой была прибита, словно скворечник, подставка для иконки и подсвечника. Прикрыв глаза, зашептала неслышимую молитву. Аня и здесь собралась последовать за ней, но Фёдор, наполнив бутылку, повернул внучку в другую сторону.

Там поодаль сидел, пристроившись на огромной бетонной лепёшке, седой полусумасшедший старик. Увидев Фёдора, поднял руку, заулыбался. Рядом с ним на бетоне, как на скатерти самобранке, лежала еда, которую старик шамкал беззубым ртом.

— Здорово, Евсей Кузьмич, — присел рядом Фёдор.

— И тебе не хворать, — ответил старик. Показал глазами на Аню: — Внучка?

— Ивана, — подтвердил Фёдор, усаживая девочку рядом.

— Жалко Ивана.

Фёдор лишь кивнул: когда молчишь про смерть сына, крепиться ещё можно, а голос подашь — всё, слёзы не остановить, слишком близки к глазам стали. Отвлекаясь, полез в сумку, вытащил зубилот — длинный металлический палец, соединявший некогда гусеничные траки. В кузне ему расплющили один край, закалили — и служила поделка верой и правдой Фёдору лет двадцать, если не больше.

— Попробуем этим.

Наставил острière в выбоину, примерился и одним ударом молотка отвалил кусок бетона. Аня, поглядев на счастливо улыбнувшихся стариков, дернула деда за рукав — пошли отсюда, мне неинтересно, что вы делаете. Фёдор кивнул, но не двинулся с места, пока не отбил ещё один кусок.

— До зимы бы успеть, — оглядев глыбу, оценил будущую работу Евсей Кузьмич. — Надежда только на тебя, Федя. Я что-то совсем тяжёлый стал.

— Бориса видел, — отвлекая командира от болячек, сообщил Фёдор.

Но зря, наверное, сказал, потому что глаза Евсея Кузьмича помутнели, и он, повторяя друга, отвернулся, скрывая слёзы. Значит, это старческое — плакать по детям. Что по героям, что по непутёвым...

— А он меня довёз сюда. Но сказал, что в последний раз...

Фёдор обернул инструменты в тряпицу, подсунул под камень. Прикрыл тайничок травой.

— Ничего, Евсей Кузьмич, потихоньку-помаленьку, да одолеем. Не то одолевали. А на первый раз хватит — нам тоже пора, — кивнул на внучку. — Да и на могилки надо заехать. Не хвораю, — вернул пожелание, полученное в начале встречи.

— И тебе того же, — поделился поровну добром старик.

Припадая на левую ногу, прошёл к велосипеду, придержал его, помогая Ане устроиться на раме. Долго смотрел вслед.

— Дедушка, а почему вы долбите этот камень? — отъехав на приличное расстояние, вернулась в свой мир любопытства Аня.

— Дело давнее, — попробовал отмахнуться Фёдор.

Но девочка вывернула голову, требуя продолжения. Руль вильнул, колесо завязло в пыли, и пришлось остановиться. Забыв про вопрос, внучка нырнула носом в сумку.

— А давай на ходу есть, — предложила она не везти обратно съестные припасы. — И будешь заодно рассказывать.

— Ты, значит, есть. А я — мели языком.

— А ты не мели, а правду говори. С какой-токой надобности вы тут встретились, как партизаны? И его на войне ранило, что так сильно хромает?

— Это его поп в детстве побил.

— По-оп? Зачем?

— В церковь залез, иконы топором порубил.

— Ой, люди добрые! Дурак был?

— Комсомолец.

— И после этого его Боженька наказал, сделав сумасшедшим?

— Кто ж его знает, кто и за что нас наказывает... Только он не сумасшедший, Анечка. Он просто старый.

— И он твой друг?

— Как тут сказать... Он в войну сначала комиссаром числился, а потом и вовсе партизанским отрядом командовал. После немца в первые секретари райкома партии вышел. Почитай, самым главным в районе стал. Но не зазнавался, всегда ручкались при встречах.

— А поп?

— Отседел своё в тюрьме, а когда вернулся, церковь уже под зерновой склад оборудовали. Ушёл молиться сюда, к источнику. За ним, как водится, люди потянулись. Евсей Кузьмич в отместку за ногу и приказал залить родник бетоном. Три машины ухнули.

— Так это он свой бетон отбивает?

— Наш с ним. Я машины привёл, Анечка. Я... А родник, как видишь, пробился в стороне. Но мы с Евсеем Кузьмичом пожелали очистить его исконное место.

— Страшные истории рассказываешь, дедуль.

— Какие получились на нашу жизнь, внученька.

— Да-а, наплела она кружева, — согласилась Аня. Некоторое время шла молча, переваривая новости, потом осторожно спросила: — Дедушка, а если бы иконы, что он разрубил, остались целы, они бы спасли моих мамку и папку?

— Может, и спасли бы. А может, и нет. Радиация живёт без царя и Бога.

— А вот землю нашу, я слышала, они от врагов охраняют.

— Говорят. С севера — Тихвинская, на юге — Иверская.

— На юге — виноград. Дядя Егорка привозил, помнишь? Когда он ещё придет?

— Скоро. И обязательно с подарками. Дядя Егор и тебя, и Ваську любит и не забывает.

— Я знаю. Только быстрее бы. Я Зойке хвалилась, что он бананы и ананасы мне дарил. Так она знаешь, что удумала? Пусть, говорит, бананы едят обезьяны, а ананасы — как их там...

— Подходят вроде “папуасы”.

— Во-во, точно. Прямо как припев к песне. А ещё какие иконы что стерегут?

— С запада русскую землю берегут Почаевская и Смоленская. А где солнце всходит, на востоке, — там сияет самая большая наша заступница — Казанская икона Божьей Матери.

— А баба Маня ещё про Владимирскую рассказывала. Что она в войну на самолёте летала и спасла Москву.

— Ага, икона летала, а солдаты только кашу ели, — по-детски ревниво за личное прошлое хмыкнул Фёдор.

— Дедушка, а откуда ты всё знаешь?

— Живу я долго.

Возле хаты их ждали гости. С отыскавшимся Тузиком игрались белоголовый малец и девочка, а молодая женщина с двумя баулами поднялась со сложенных у палисадника брёвен.

— Кто это? — удивилась Аня.

Фёдор пожал плечами:

— Не знаю. Может, новая училка? Так вроде говорили, что уже не придет.

Глава 5

Обживатьсья в Журиничах основательно или только переждать в них подступающую зиму, новая учительница Вера Родионова ещё не определилась. Село насчитывало до двухсот дворов, школа, клуб, больничка имелись, и до Суземки, районного центра, асфальт. А оттуда до родного Брянска на электричке всего пару часов. И хотя Журиничи считались тупиковым селом, потому как сразу за коровником начиналась Украина и дороги обрывались, Вера радовалась другому: после получения работы ей, наконец, разрешили забрать из детского дома под опеку брата с сестрой. Не оказалось после распределения и проблем с жильём: как и обещали в районо, местный лесничий Фёдор Максимович Бурашин выделил для постояя дом своего старшего сына.

— Под твою фамилию, дочка. Пусть это будет твоя новая родина, — ободряюще улыбнулся, сам радуясь тому, что дом сына вновь наполнится жизнью.

— Вер, смотри, что написано про здешние места, — копавшийся в книжном шкафчике Женька показал “Географию Брянской области”. — “Суземь — непроходимые места, глухомань”.

— Ничего, люди живут, — успокоила Вера. Занялась сумками с едой. — Оксанка, хлеба нет.

Из дома ещё не выходили, магазинов не знали, но это ли проблема в селе? Церковь, хлеб и песни тут всегда в центре.

— Я с ней, — первым выскользнул за дверь Женька.

На крыльце нос к носу столкнулся с парнем в цветастой рубашке, завязанной узлом на животе. Подался назад, но гость протянул руку знакомиться.

— Не бойся, это мой брат, — послышалось с улицы.

Стараясь не встречаться с Васькой взглядом, Аня вошла в калитку, протиснувшись в сенцы. На правах свахи кивнула появившейся Оксане:

— Это Васька, брат. Тоже можете познакомиться.

Глава 6

Июльским вечером в одном из колумбийских портов встал на погрузку сухогруз под редким для этих мест советским флагом. Корабль, тем не менее, ждали: слабосильные портовые краны, покачиваясь от напряжения, начали переваливать через борт контейнеры. По сходням под контролем полицейских и таможенников зашныряли грузчики, таскавшие в трюмы коробки с провиантом.

Загорелый молоденький капитан, для солидности не выпускающий зажатую меж пальцев трубку, поглядывал то на часы, то на клонящееся к закату солнце. Экипаж поджимали сроки, но более всего капитан рвался услышать звуки фанфар в родном Владивостоке по случаю завершения первого самостоятельного рейса на другой континент с пересечением экватора.

Отправив катер с лоцманом, капитан спустился в каюту и избавился, наконец, от представительской трубки. Прежде чем взяться за сортировку документов, подвинул к себе портрет девушки на ромашковом лугу. Подмигнул ей, тронул фото пальцами, но вдруг почувствовал в каюте постороннего. И вскочил, увидев в дверях глухонемого портового грузчика.

— Я свой, — проговорил тот на чистейшем русском и поднял руки, всем видом призывая не делать резких движений.

— Откуда? Почему? Как? — выгадывая время и приходя в себя, капитан схватился за курительную трубку. Хотя хвататься, конечно, требовалось за трубку телефонную...

— Я свой. Надеюсь, кроме меня, никто не зайдёт к вам без вызова?

Однако тот наложил палец на селекторную кнопку:

— Я вызываю старшего помощника. Кто вы?

— Скажем так, сотрудник одного из наших силовых ведомств. Мне необходимо нелегально вернуться в СССР. И, если возможно, срочно выйти по закрытой связи на Москву. В экипаже обо мне никто не должен знать.

— Ваши документы, — потребовал капитан, не принимая условий.

Бородач, оглядев свою рваную одежду, усмехнулся, и капитан настаивать посчитал излишним. Хотя в мыслях уже выстраивались предположения. Первое: он спасает разведчика, и к лаврам покорителя океана ему прибавляется медаль на грудь за участие в спецоперации. И второе: это, несомненно, провокация, и вместо триумфа на Родине его ждут наручники в нейтральных водах.

Пришедшие на ум версии тащили в противоположные стороны, и тогда он, несмотря на молодость, решил разделить то ли славу, то ли ответственность со своим помощником, которого не без оснований подозревал в тесных отношениях с особым отделом пароходства. Да-да, в игре пятьдесят на пятьдесят лучше ни медали, ни наручников.

Настороженность стала пропадать лишь по мере удаления американских берегов, а когда до Владика остался один шаг циркулем по карте, капитан и вовсе спокойно вздохнул. Корабль выходил из нейтральных в территориальные воды Советского Союза, провокации не случилось, а значит,

таинственный незнакомец, которого и портовое начальство по радио приказало беречь пуще корабельного компаса, — и в самом деле разведчик!

— Теперь вам можно выходить на палубу и не прятаться от экипажа, — разрешил капитан таинственному бородачу.

Тот не преминул воспользоваться свободой. Вечерело, прямо по курсу надвигалась гроза, но разведчик поспешил на нос корабля.

— Домой, — сжав кулаки, прохрипел он. На просьбу капитана укрыться от непогоды улыбнулся и выбросил руку вперёд: — Домой!

Не зря, наверное, преграждали Егору Буерашину морские штормы путь на Родину. За время заточения он как-то подзабыл о политических страстях, кипевших в Москве, а ступил на родную землю, и оказалось: главное их в стране ничего нет. И не вывернись он сам из плена, никто всерьёз им бы заниматься не стал.

В Домодедово его по старой дружбе встречал лишь Юрка Черёмухин, с кем вместе начинали службу в КГБ и строили планы на нелегальную работу. Да только уже через пару лет им обоим поставили в личном деле красный штамп: “Известен противнику”.

Обиднее всего, что сами они нигде не засветились и собирались свято исполнять главный принцип контрразведчика: “Увидел — молчи. Сказал — не пиши. Написал — не подписывай. Подписал — откажись”.

То есть я — не я, а что такое КГБ — вообще понятия не имею. Но какая-то сволочь из Управления кадров переметнулась к американцам, и мгновенно на всех, с кем соприкасался предатель или чьи личные дела брал в руки, поставили жирный крест. В виде того самого красного штампа, после которого работа за границей не светила контрразведчику ни при каких обстоятельствах. “Прощтампованный” народ поник, заскулил, стал приглядывать новые должности. Егора попытались переманить аналитики, но носить по кабинетам пусть и умные, но бумажки его не прельстило, и через бывших сокурсников он предложил свои услуги Главному разведуправлению Генерального штаба.

Егора в новом ведомстве буквально препарировали. Не в смысле проверки на благонадёжность — комитетская чистка считается одной из самых надёжных в мире, а он своего прошлого не боялся: отец и мать в войну партизанили, старший брат Иван, списанный из армии по состоянию здоровья, был чернобыльцем. Так что озабоченность у новых командиров могла возникнуть лишь по части его психологических, оперативных и физических способностей. Намекали на жёсткую работу медкомиссии и особенно встречу с психологом, который после многочисленных тестов обязан найти наиболее слабые точки кандидата и давить на них в беседе: если в течение пятнадцати минут руки у того не вспотеют, допускают к следующему этапу.

У Егора не вспотели, потому что разрешили передохнуть и даже посмотреть какой-то пустой американский фильм. Интересы он особого у Егора не вызвал, втихаря намерился придремнуть в полутёмном небольшом кинозале, но благо, быстро вспыхнул свет. И не случайно: ему поднесли блокнот и ручку с безобидной просьбой вспомнить и написать, сколько машин, каких марок и какого цвета проехало в увиденном отрывке. Сколько машин остановилось, кто из них выходил, кто садился. В чём одеты, что держали в руках...

Вроде не сильно ошибся, потому что после этого его без денег и документов стали забрасывать на машинах и в самолётах в какие-то лесные дебри с задачей выбраться из них и незамеченным вернуться в Москву. Он стрелял, плавал, дрался, изучал дельтаплан и акваланг, боевую машину пехоты и малую сапёрную лопатку. Учился давить отвращение, поедая извлечённых из-под коры деревьев личинок. Спал привязанным к этим самым “санитарно-обработанным” стволам. Делал самому себе уколы. Утром мины обезвреживал, а вечером “подрывал” ими опоры мостов или цистерны. Отцеплял вагоны на ходу поезда. Непрерывно учил языки. В отличие от Лубянки, в военной разведке главный принцип формулировался намного короче: “Пришёл — увидел — уничтожил”.

— Тяжко? — хитро улыбались новые сослуживцы, когда-то сами ходившие этими же лабиринтами испытаний.

— А мне присяга иного и не обещала.

Испытания выдержал, и его представили разведверям ГРУ. И сразу в элиту — группу дальней заброски, где, несмотря на погоны старшего лейтенанта, поставили на должность рядового бойца.

— У нас много своих законов. Но уясни главный — закон крокодила, — полагая, что новенький обязательно должен знать его, предупредил “капраз” — поджарый капитан первого ранга с аккуратными седыми усиками, который и давал своё окончательное крокодильское “добро” на службу. Он же определил новенького на южное, “песчаное” направление к “каплею” Максиму Оличу. Капитан-лейтенант, за какие-то диверсионные морские дела дослужившийся до командира группы и медали “За боевые заслуги”, тоже не преминул напомнить о крокодиле. Но уже более конкретно:

— Никогда не ходи по тропам, где однажды уже ступал. Зашёл в одном месте — выйди в другом. В широком смысле — не дай поставить на себя капкан. Знаешь, как ловят крокодилов? — Вскинул голову, а на скуластом лице самодовольная улыбка: откуда вам, на Лубянке, знать настоящее боевое искусство во время броска “на холод”! “Холодом” в ГРУ обзывались операции, сопряжённые с риском для жизни. По большому счёту, Егор мог в ответ щегольнуть чем-нибудь фирменным от “Комитета глубокого бурения”, но грушники ему понравились, и он промолчал. Придёт время, и Лубянка покажет, как и чем хлебают щи. Так что там крокодилы? — Они возвращаются в реку тем путём, по которому выползли на берег. Охотники за их шкурами и вкапывают в этих местах ножи, о которые несчастные и глупые рептилии распарывают себе брюхо.

В “песчаной” группе почему-то оказалось много моряков, оттого они и баловались всякими страстями от пресноводных. Хотя основным предметом для изучения оказалось так называемое страноведение — детальное изучение государств, где спецназовцы в силу каких-то обстоятельств могли теоретически очутиться. В какой мечети какой имам служит, кто любимая жена у наследного принца и когда она забеременела, сколько лошадей или верблюдов у владельца центрального рынка, какие газеты что печатают, пофамильные списки физиков и лириков — эти сведения должны были отлетать от зубов по каждому городу и более-менее значимому аулу на южном направлении.

Сведения, надо полагать, обновлялись постоянно. Если спутник засекал более-менее масштабную постройку, появлялась новая трасса, — резиденту шла шифрограмма: доразведать объект. В местной прессе упомянули на первой полосе новое имя — кто такой? И вот уже якобы восторженные якобы туристы якобы случайно сфотографировали уголок интересного объекта, привязывая затем его к космической фотосъёмке.

Подобной сетью опутывался весь мир, и страноведы, собери их вместе, могли бы расказать о земном шаре увлечённое и глубже телевизионного Сенкевича. Разве что не коснулись бы, наверное, Антарктиды. А там шут его знает, гарантировать в разведке ничего нельзя: о ней уважающие себя страны никогда ничего не опровергают, но и не подтверждают. Есть такой гениальный уход от проблемы — по умолчанию...

Первое серьёзное испытание Егору Буерашину выпало на “Бурю в пустыне”, войну в Персидском заливе американцев против Ирака в самом начале девяностых годов. Трудно сказать, чем советские политики и чьи интересы блюли, но “грушный” спецназ вдруг запрягли в упряжку к янки. И не просто участвовать в совместной морской блокаде Ирака, а досматривать идущие в эту страну корабли. Американцам оставалось лишь принимать доклады советских десантников, самим оставаясь как бы чистенькими: мы ни при чём, это русские ищейки лазят в корабельных трюмах.

Лазить послали как раз группу Максима Олича. Аукнулось, что в командах ходил моряк. Спецназовцы подлетали на вертолётах к обнаруженному в море судну, по фалам скользили на палубу, нейтрализовывали команду и принимались шупать тыки и нюхать углы. Экипажи презрительно глядели на них, а надсмотрщики, опуская от стыда головы, докладывали по рации сидящим в вертолётах американским офицерам:

— Судно осмотрено, груз стратегического значения не имеет.

О-о, и как плевались, оставаясь одни. Как поносили даже не звёздно-полосатый флаг, а Москву, улегшуюся калачиком у подножия этого полотнища: откуда такое подобострастие и унижение самих себя? И тогда Егор Буерашин стукнул кулаком сам. Обнаружив при очередном осмотре в утробе ветхого рыбацкого судёнышка ящики из-под зенитных снарядов, тем не менее, процедил по рации:

— Груз стратегического значения не имеет.

Ирак отбивался от американской авиации из последних сил, и боеприпасы ему были необходимы не меньше, чем советским офицерам чувство собственного достоинства и гордости за страну. Но пока вылезал из трюма, на палубу спустился американский подполковник: скорее всего, наводка на подозрительное судно всё же к ним прошла. Солнцезащитные очки не скрыли, а скорее, подчеркнули высокомерие, с которым он глянул на Буерашина, квакнул что-то сквозь зажатую в зубах сигару.

— Перепроверить! — перевели его команду, хотя Егор понял смысл без суфлёра. — И снова доложить.

Качка на море отсутствовала, но Егор стал, расставив ноги и закрыв собой трюм. И хотя никогда не курил, выхватил у кого-то из своих сигарету, тоже бвил её себе в зубы:

— А пошёл он...

Подполковник побагровел, выдавая взаимное прекрасное знание языка вероятного противника, с которым хотя и на выгодных Америке условиях, но вынужденно пришлось объединиться. Подошёл вплотную. Тыча сигарой Егору в грудь, процедил:

— Ты — ещё раз!

Буерашин не сразу понял, что команду, уже не церемонясь и не играясь в военную тайну, отдали на его родном языке. Не ведая о последствиях, шагнул навстречу американцу, спасательным жилетом сминая его сигару.

— Ещё раз тыкнешь, смою через клозет за борт. — И свою сигаретку, хоть и тонкую по сравнению с американской, но выставил навстречу белоголовому орлану, распластавшему крылья над карманом кремовой рубашки подполковника. Интересно, сам-то он хоть знает, что эта птица всего лишь венчает пищевую цепочку североамериканского региона? Пищевую, сэр! — Это ты тоже, надеюсь, понял.

Ещё как понял! Глаза вспучились, налились кровью, потом сузились в щёлочку. А Егору что бык, что японец. Ему ни вожжа под хвост не попала, ни водки он не перепил, ни на солнце не пережарился. Просто когда воду греют, она поневоле начинает кипеть. А Олич, который мог бы осадить, работал на другом судёнышке.

Так и замерли, сжав кулаки, на палубе иракского кораблика советский старший лейтенант и американец в подполковничьих погонах. Иракские рыбаки ждали своей участи на носу судна, зато разведвери ГРУ вмиг разделились: одни оказались за спиной взвившегося сотоварища, другие — у подполковника. Вскинулись автоматы. Бунт. На чужом углу судёнышке, на чужой войне СССР, похоже, впервые за годы перестройки выпростал коготки. “Наверх вы, товарищи...”

Сумасбродного демарша тем не менее оказалось достаточно, чтобы янки дрогнули. Несмотря на кружащие в воздухе вертолёты, главенствующую должность, не посмел перепроверить трюмы или послать лейтенанта туда же, куда сам только что был отправлен. Мертвецки бледные рыбаки-контрабандисты-оружейники глядели на Егора, как на Бога, и он сказал себе: никогда, нигде и ни перед кем больше не опущу голову. Я — советский офицер и сын партизана. И плевать на иное.

Усмехнулся американцу: и на тебя плевать тоже. Это в старости подумал — и забыл. В молодости же сказал — и сделал!

Хотя в действительности Егор силноул за борт. Всё же хотелось, чтобы снаряды дошли до Ирака. А вот брызги полетели по закону ветра: его за выходку, естественно, по головке не погладили, из Персидского залива срочно отозвали. Готовился к худшему, однако вместо международного разноса ему

пусть и втихаря, но бросили на погон ещё одну звездочку — ходи капитаном. Даже среди руководителей остаются люди, отстаивающие интересы Отечества.

При расставании Олич всунул в “дембельскую” сумку Егора перламутровую ракушку и пластмассовую ящерицу, в хвосте которой располагалась точилка для карандашей.

— Передай сеструхе.

На ракушку Буерашин внимания не обратил, но ящерку удивлённо повертел в руках. Командир успокоил:

— У Иры сейчас фамилия такая — Точилкина. Коллекционирует.

— Убью, — пригрозил “каплею” уже из Москвы Егор, когда встретился с Ирой у фонтана перед Большим театром. Миниатюрная, точёная, с белыми волосами по плечам — наверняка Бог минимум трижды поцеловал при рождении! А он — “сеструха”...

— Вам. — Егор вытащил из сумки подарки.

Ира по-детски хлопнула в ладоши и сразу же приложила ракушку к уху. И лишь услышав шум Персидского залива, спохватилась:

— Как Максим?

— Приказал сводить вас на кофе, — не моргнув глазом, соврал Егор.

Ира посмотрела на часы, сложила в мольбе ладошки, сделала бровки домиком:

— Если я опоздаю на работу, меня уволят.

— А после работы?

После работы её тоже удерживали какие-то планы, капитан Буерашин в них никак не вписывался, но слишком ярко блистала рядом женщина, чтобы просто так с ней расстаться. Он не имел на неё никаких прав, она не дала никаких поводов для дополнительного внимания, но единственная сила, с которой способны совладать монахи, но отнюдь не офицеры, — это женская притягательность. Эх, и на безымянном пальчике правой руки обручальное колечко. От какого-то Точилкина.

— Вы мне позвоните через месяц, — нашла Ира для него ближайшее времечко. Но точки над “i” расставила сразу: — И вы мне расскажете всё, что можно.

— А раньше? — обнаглел Егор.

— А раньше меня просто не будет в Москве. Спасибо. Я убегаю. Извините. До встречи. Самому-то будет заняться чем в Москве без меня? — стрельнула лукаво глазками...

К какому шкафчику теперь подведут? У отбывающих за границу ни одного намёка на принадлежность к СССР не должно быть, даже родных пломб в зубах, не говоря уже о клейме советских прачечных на белье.

— Готовься в Латинскую Америку, — “кап-раз” провёл Егора в самый угол помещения. Пригладил и без вмешательства идеально подправленные усики, распахнул шкаф с летними песчаными костюмами. — Пойдёшь “на холод”...

И вот “холод” кончился, и Егор вправе был рассчитывать хотя бы на служебную машину, чтобы не ловить такси с архивариусом Лубянки.

— Да тут без тебя напряжёнка непонятная по всем линиям, — уловив разочарование на лице друга, попытался оправдать “грушников” Черёмухин.

“В любом случае не такая, как была у меня”, — поджал губы в детской обиде Егор: не каждый день вырываются пленники самостоятельно. Надежду на жизнь, конечно, давал негласный договор всех разведок мира: поскольку разведчики являются военнослужащими, то их физическое уничтожение приравнивается к нападению на страну. Тюрьма — да, перевёрбовка — да, но под расстрел подвести не должны были. Только это если бы держали официально в тюрьме, а не в пещере в сельве...

— Да вон бежит, радется, кто-то из твоих, — вычислил Юрка в аэровокзальной суматохе родственную душу.

Бежал сам “кап-раз”. Он схватил Егора в объятия, приподнял, словно через лёгкую тяжесть веса подчинённого убеждаясь, что перед ним не призрак.

— Я рад. Остальное всё потом, — отстранился командир и с надеждой посмотрел на Юрку. — Добросишь товарища до дома?

Не дожидаясь ответа, ещё раз прижал к себе Егора, шепнув приказ:

— Сидеть дома, никуда не высовываться и ни во что не вмешиваться. Ждётся только моей команды.

И подтверждая, что подчинённый не был забыт, что ценен и дорог, добавил ещё тише:

— Тебе бумаги на большую награду готовим. Высшую. Только т-с-с-с. И без меня никуда и ни во что.

Ошарашил — и исчез столь же стремительно, как и появился.

— Я же говорил, что у вас какой-то напряг, — обрадовался собственной дальновзоркости близорукий Черёмухин.

Но Егор застыл от известия о награде. А почему, собственно, нет? Не к теще на блины ездил. А для человека военного звезда на груди порой весомее звёзд на погонах. Но что случилось в конторе? В честь чего напряг и суматоха?

Взгляд зацепился за электронное табло: 18 августа 1991 года. Не тринадцатое и вроде не пятница...

Глава 7

На Лубянке Черёмухин встретил у тыльных ворот центрального здания, втянул Егора в узкую щель внутри двора.

— Здесь загружено полторы тысячи личных дел агентов и находящихся в разработке фигурантов, — кивнул на грузовик-фургон с надписью “Хлеб”. Рядом валялись выброшенные лотки. Очки у Юрки были всё те же, слегка великоватые, и после заботы об архиве он постоянно занимался их охраной на носу. — Надо прорваться на спецобъект. Иначе представляешь, что будет?

Представить списки агентов в газетах не было сложностью: времена для прессы наступили такие, что многие редакторы ради сенсации готовы в уголке юмора публиковать отчёты о похоронах собственной матери.

Хотя публикация списков иным митингующим как раз и поубавила бы пыл. Перед переходом в ГРУ Егор, нёсший службу в первом подъезде, сопровождал правозащитницу, на всех углах требовавшую открыть архивы спецслужб. Председатель КГБ сделал всё гениально и просто: пригласил её к себе в кабинет и, как понял Буерашин, показал личное дело отца, чьё имя долгие годы выставлялось как символ борьбы с тоталитаризмом. Почитав протоколы, женщина как будто цементного раствора глотнула. Причина оказалась более чем банальна: по оговору её отца-символа в тридцатые годы было расстреляно более десяти его же друзей. Ох, не плоской была история страны. Не чёрно-белой...

Только ведь наряду с подобными стукачами, которых, в принципе, как-то можно понять с позиций нынешнего времени, в картотеках имелись имена тех, кто предупреждал о терактах, безалаберности, антисоветчине. Кого внедряли в преступные группировки. “Подбрасывали” к иностранным посольствам. Кто закрывал каналы с наркотиками, пресекал похищения людей. Аксиома для всех стран мира: государство обязано защищать свои интересы, свой государственный строй, своих граждан. В том числе и негласными методами.

В первую очередь, имена таких негласных сотрудников и спасал Юрка. И Буерашин молча протрубил ему гимн.

— Стреляем без предупреждения по каждому, кто приблизится. На крайний случай — взрываем.

О-о, какая же несусветная глупость посетила Юркину доселе светлую голову! Взрыв разметаёт листочки по всей округе, а “секретка” обязана уничтожаться до последней буковки в документе. В ГРУ на этот случай держат напалм...

Оторвать козырёк у кепки и, проведя ею по пыльному колесу, нахлобучить на самые глаза, засучить рукава рубашки и повесить на губу вместо

окурка хотя бы веточку-зубочистку, — и чем не водила из пятого или четырнадцатого автопарка? А очкарик рядом — бухгалтер. С накладными на хлеб, который выпекается круглосуточно. Вперёд, на пекарню!

Ворота медленно отворялись. Почуввав добычу, от толпы на площади отделились с десяток митингующих, готовых по той же методике сексотов, которых сами же брезгливо выскивали, останавливать выходящие из лубянского комплекса машины или записывать их номера. Даже у хлебовозок. Егор, как и полагается водиле из пятого или четырнадцатого автопарка, плюнул им под ноги бычок и дал по газам.

Ехали по враждебной Москве молча. Да и о чём говорить, когда за спиной фургон с личными делами фигурантов, а впереди — полная неизвестность и разбитая дорога, на которой даже хозяин архива плохо ориентировался.

Однако за Химками после некоторых раздумий Юрка попросил Егора уступить ему руль, а потом и вообще вылезти из машины, дожидаться возвращения на дороге. Егору бы обидеться, но сам себя и остановил: не в бирюльки играют, объект не выдаётся даже любимой теще. Напялил Черёмухе кепи без козырька и, снимая с него чувство вины, поторопил:

— Только мухой. Туда и обратно.

Грузовик неуверенно дёрнулся, рывками набрал небольшую скорость и скрылся в незаметный поворот среди только-только начинающих желтеть клёнов. Спецобъект — он и есть спецобъект, посторонний глаз не привлекающий. Может, это просто трансформаторная подстанция или склад металлолома...

Зато разгрузился и вернулся настолько быстро, что Егор не успел соорудить себе лежанку из лапника.

— Надо в Зеленоград, — высунулся через опущенное стекло кабины Юрка.

Очки на переносице наспех перетянуты синей изолентой: видать, уронил при разгрузке. Но это не мешало архивариусу пристально смотреть сверху вниз: если ты не согласен, я еду один. Честно сказать, Буерашин не ожидал, что в дохляке Юрке окажется столько твёрдости и ответственности. Но куда ему одному при минус пять на каждый глаз и с изолентой на очках?

— Надо! — поторопил Юрка.

Зеленоград слыл ярой демократической зоной Москвы — именно оттуда приезжали на митинги самые многочисленные и по-военному организованные колонны с зелёными полотнищами транспарантов. Победа над ГКЧП могла добавить им агрессивности, и тут даже Ельцин не успеет всех привести в чувство.

— К Москве идут танки, — сообщил последнюю новость Юрка.

— Чьи? За кого?

— Не знаю. Скорее, за Ельцина. — Опустошённость Черёмухина была явной. — Начальник зеленоградского отдела получил сведения, что с минуты на минуту ожидается штурм его здания. Просит вывезти архивы.

— А что, на всё КГБ — ты один? С украденной хлебовозкой? — раздражённо бросил Буерашин. А скорее, выплеснул эмоции от сообщения о танках. Не зря дрожали и опускали глаза на пресс-конференции члены ГКЧП. Так и не нашлось среди них никого решительного, идущего до конца. И Юрка прав — надо спасать хотя бы тех, кто помогал стране...

Черёмухин в ожидании ответа прилепил отошедший кончик изоленты на очках. Он стыдился за контору, ещё вчера приводившую в трепет весь мир, а сегодня прячущуюся по лесам. Но поскольку Егор сам был выходцем из Лубянки, горько исповедался:

— Перед твоим звонком увидел в туалете одного нашего генерала. Он рвал бумаги, бегал по толчкам и спускал в них обрывки. Грешным делом, подумал, что уничтожает документы, но, оказалось, избавлялся от рукописи о демократах. Таким нынче стало КГБ, Егор. Грустно.

Зря Юрка стыдился — Буерашин сам отвёл глаза. Он не знал, что творилось на данный момент в ГРУ, но если и там генералы дрогнули, то куда возвращаться и кому верить? Или быстрее бы уж Ельцин брал всю власть в руки, чтобы утвердить порядок?

Зеленоградского комитетчика нашли мятым, небритым и, кажется, под градусом. Увидев хлебовозку, заглохшую у крыльца на последней капле бензина, он сразу обмяк: так бывает, когда приходит уже не ожидаемая помощь. Выводя его из прострации, Буерашин поинтересовался:

— Сто грамм есть? Меня зовут Егор.

— Серёга, — легко поддержал знакомство хозяин кабинета.

Бутылка с остатками стояла под столом — зеленоградец лишь опустил за ней руку. Но за закуской пришлось идти в угол, к холодильнику. Тот, потерявший в переездах переднее резиновое копытце, кивнул хозяину украшенным детскими наклейками лбом. И душу распахнул широко и светло: чем богаты, то — ваше.

Щедроты оказалась понятной, когда на ржавых решётках обнаружили лишь маслянистая банка из-под тушёнки с ломтиками пожелтевшего жира да надломленные, покрытые инеем, кусочки хлеба на одноразовой тарелке. Капитана смутило малое количество закуски, и он полез за добавкой в морозилку. Там ножом наковырял пропахших рыбой кусочков льда и вывалил их рядом с хлебом.

Сдвинули почерневшие от чая разнокалиберные чашки — не на поминках. Тост предложил капитан, выдавая свою родословную:

— Казак пьёт в двух случаях. Первый — когда есть огурец. И второй — когда огурца нет. До дна.

Подмога и спирт, затушенный не менее обжигающим льдом, пробудили его к действиям.

— Предлагаю: не очень существенное перебросить в ментовку, с начальником отношения нормальные. Но мешков семь надо сжечь.

Костёр в лесу, на свет которого наверняка подскочат какие-нибудь вояки? Из тех танков, что опоясали Москву? Кто окажется командиром? А вдруг из желающих заработать у новой власти звезду на плечи или на грудь?

— Открытое место нежелательно, — похоронил Егор чью-то удачу на дополнительные блага. Там, где участвует он, халява не пройдёт...

Капитан макнул в жир скрюченный от возраста и холода кусочек хлеба, посмаковал прилипшие к нему жёлтые крошки. Потянулся к телефону, доставая из пиджака потрёпанную записную книжку со множеством записочек. Найдти такую на улице, ни за что не догадаешься, что она принадлежит главному зеленоградскому контрразведчику. Но он отыскал в ней нужные цифры практически мгновенно — дольше набирал номер на таком же колченогом, как холодильник, аппарате:

— Борисыч? Что плохого в этой жизни?.. Молодец, и я про то же. Слушай, подошли-ка мне свою аварийку. И жди меня, я к тебе на ней подъеду. Всё потом. Давай.

Поправил, словно удачливую колоду карт, листочки в книжице, вернул её в лоснящуюся щель кармана. И только после этого соизволил пояснить:

— Тут у меня среди провинившихся начальник теплосетей. Сделает всё.

Котлы ТЭЦ — это хорошо, это надёжно. За это можно выпить. Остатка в бутылке хватило на второй круг:

— Ну, раз нет огурца...

Раздался телефонный звонок. Пока Серёга, опустошая чашку, держал трубку на весу, все расслышали:

— Это КГБ? Сидите? Ну-ну, недолго осталось. Ждите.

Щекочут нервы перед штурмом? Или уверовали в свою всесильность? Где ГКЧП? Где аварийка, чёрт побери! И неужели у Серёги больше нет ничего в заглазнике? А рыба в морозилке лежала всё-таки поганая...

Начальник ТЭЦ сработал быстрее звонивших и угрожавших. Контрразведчики, предав хлебовозку, в спешке побросали в жёлтый проём аварийки утрамбованные под завязку, печатанные сургучной печатью мешки. Через минуту им гореть в топке, а всё равно от инструкции ни на шаг. Если в Книге рекордов Гиннеса есть раздел “педантизм”, то КГБ явно претендовал на первую строчку.

На воротах ТЭЦ встречал сам Борисыч — сухонький мужичок в тесноватом, в катышках на животе, пуловере. Серёге кивнул несколько раз, чем подтвердил свои какие-то прегрешения перед властью. На попутчиков, сидевших на мешках, лишь покосился: более всего осведомители опасаются расширять круг знакомств.

— Надо сжечь, — кивнул на груз комитетчик. Икнул, поморщился от рыбной отрыжки, но довёл задачу до конца: — Срочно. При нас.

Борисыч поник, сделался ещё более сгорбленным и маленьким, и оказалось, что пуловер ему вообще-то впору. А катышки на нём оттого, что старик от волнения постоянно трёт ладони о живот...

— Что так? — недовольно поднял голову Серёга. Видать, сильно был обязан Борисыч органам, если тамошний представитель и мысли не допускал о невозможности выполнить просьбу.

— Сделаем, — со вздохом согласился поделиться огоньком начальник теплоцентрали. Махнул водителю, гусакон вывернувшему голову из кабины: — Подъезжай к главному корпусу.

Тот оказался не чем иным, как тюрьмой-ангаром для томившейся внутри огромной избушки на металлических лапах. В её оконцах бушевало пламя, но мощные газовые форсунки все продолжали и продолжали выжигать ей нутро. Бедная Баба Яга! Говорят, при матриархате она ходила в жрицах и была прекрасной девушкой, и это мужики в отместку за своё прежнее унижение переиначили её в чудище. А тут ещё посягнули и на её кров...

Серёга, ухватив мешок за чуб, потащил его по металлическим ступеням вверх, к смотровому лазу. Запечатанные в смертный саван документы не желали мириться с уготованной участью и цеплялись углами папок за стёртые ступени, боковые прутья перил. Ни Золотая Орда, ни инквизиция не тащили с такой настойчивостью людей на костры, как Серёга, не обращавший внимания на рваные раны мешковины, торчащие белые кости папок, кровавые пятна корешков-переплётов, свои документы.

Около заслонки Борисыч металлическими штырями, согнутыми и худыми, как он сам, поднимал накалившиеся от огня запоры. Егор, не желая повторять изуверство контрразведчика, затащил свою ношу на плечах. Металлический квадрат оконца с грохотом откинулся на спину. Изнутри полыхнуло, обдав палачей жаром.

— Отлично, — порадовался Серёга всепожирающей мощи огня.

Приподнял свой мешок, примерился и, последнее мгновение посомневавшись, швырнул в пламя.

— Торопись, — прокричал сквозь гул Борисыч. — Давление уходит.

Из операторской будки под самой крышей ангара и впрямь выбежала женщина в белом халате. Увидев начальника, застыла у ограждения, но Борисыч махнул ей: всё в порядке, возвращайся к приборам. А когда Буерашин, сменив забронзовевшего от натуги, жара и решимости капитана, расстался с последним мешком, начальник ТЭЦ всё тем же металлическим прутом вернул дверцу на прежнее место. Вытирая о живот руки, подошёл к глазку, словно мог увидеть через него, как сгорают чьи-то истории и судьбы...

Наутро, увидев в новостях победоносное возвращение из курортного Фороса в Москву Горбачёва, Егор поехал на Полежаевку. С рапортом. На увольнение. Подобное в армии следует делать по команде, но Олич, его непосредственный начальник, так нигде и не проявился, и Буерашин пришёл сразу к “кап-разу”: вы меня принимали на службу, вы и выгоняйте.

Начальник сидел понурый и рвать с ходу листов не стал. Долго вглядывался в него: формат А-4, плотность бумаги до 80 граммов на метр квадратный. Для ксерокопирования. Экземпляр единственный. Копий не снималось. Только адресату.

Встал, прошёлся по кабинету. Остановился в углу, около огромного глобуса. Повертел его. Земля закрутилась, замелькала материками и океанами. Где-то в этом круговороте крутились он сам, Егор, Максим Олич, Юрка Черёмухин с хлебовозкой. Горбачёв с Ельциным. Все вместе, в космос никто не улетел...

Командир вернулся к столу. Выдвинул ящик, задумался. Егор не видел, что там находилось, но подумал: пистолет или собственный рапорт. Власть в те дни оставила служивым людям небогатый выбор: кому-то умирать вместе со страной, кому-то поднимать тосты за победу над ней.

— Служки, — “кап-раз” медленно порвал листок с нервными ночными каракулями Егора. Выбросил бумажки в урну. — Страна-то остается. Люди остаются...

— Но я не желаю снова...

— Будешь желать! — вдруг резко перебил моряк, возвысив голос. — У нас сейчас на плечах не погоны, а судьба страны. И что, её тоже коту под хвост? Не дождётся. Неделя отпуска, пока во всём разберёмся.

Глава 8

Фёдора Максимовича разбудил телефонный звонок. Вроде встал по расвету, потоптался по двору, смазал велосипед ехать в Пустынь, бросил горсть пшеница курам, обмолвился настроением с Тузиком. Да и прилёг обратно, чтобы грюканьем дверей да ходьбой не тревожить внуков.

По телефону звонили редко, в основном — начальство, но тут с другого конца провода закричал военком:

— Фёдор Максимыч, это военком. Доброе утро. А что я тебе говорил?

— Что? — никак не мог отойти от дрёмы и резкого звонка Фёдор.

— Егор твой жив-здоров. Встречай, едет.

Фёдор бросился к окну, пытаясь разглядеть сквозь ветки черёмухи улицу. Намеревался же после снега спилить, совсем из-за неё света не стало в доме, да закрутился, допустил, что расцвела. А у кого рука поднимется цветущую черёмуху да под корень? Такую только ломать на букеты...

Выскочил наружу, набросив пиджак на майку. Улица была пустынной. Моторы не гудели даже вдаль, и Фёдор поспешил обратно в дом. Перво-наперво надо приготовить для Егора что-нибудь вкусное. Хотя тому любимая еда хоть в детстве, хоть в офицерах — сковородка поджаренной на сале картошки. Может, заслать Аньку к свахе, а та уж сподобится мясца сготовить, блинов напечь? А Егорка-то живой, живой! Отыскался. Где же пропал целых полгода? Пора бы угомониться, перестать шляться там, куда другие даже не глядят! Ремня всыпать — и послушается. А у военкома не хватило ума сказать, когда точно ждать! Ладно, он сам от неожиданности все слова забыл, но майору-то по статусу положены чёткость и точность. В ногу был ранен в Афганистане, а не в голову, прости Господи. Теперь вот бегай по селу, будоражь людей. Хоть в колокол звони, как на пожар.

— Что там, дедуль? — послышался из спальни голос Анютки.

Заглянул к ней. Внучка вопрошала глазками из-под одеяла, Васька, разметавшись по дивану, спал непробудно.

— Надо потихоньку вставать. Дядя Егор едет. Военком доложился.

— Ура-а-а! А Васька знает? Ты пока не говори, я с ним на что-нибудь поспорю.

— Вставай, спорщица! Порядок в хате навести надо женским взглядом. Васька! Вставай тоже.

— У-у-у, — промычал тот, закутываясь в одеяло.

— Оксанка с Женёной в гости идут, — нашла мгновенный способ поднять брата на ноги Аня.

Всклопоченная голова взметнулась под потолок, Фёдор участливо посмотрел на внучку — никто за язык не тянул, выкручивайся теперь сама. Поспешил в кладовку удостовериться, что бутылка беленькой стоит среди закуток нетронутой. Как чувствовал, попросил неделю назад Степана купить в районе, куда тот возил в больницу лечить свой радикулит. Картошки пожарят, яйца, сало есть, капуста, огурцы — в подполе. Лишь бы правда была от военкома...

В кладовку заглянул Васька.

— Дед, а правда, что дядя Егор едет?

— Если военком не сбрехал. Но ему нельзя, он при исполнении.

Внук исчез. Скорее всего, спор с Анькой всё же состоялся, и наверняка в её пользу. Посылать к сватам, чтобы те тоже занялись чем-нибудь существенным к столу? Но не взглянуть бы. А то начинает казаться, что майор и не сообщал ничего, что разговор с ним придумался как желанный спорок. Сейчас он сам и позвонит ему в обратную сторону. А номер военкомата узнает по справочной. Сообщат, куда не денутся. С чего это они откажут? Он представится — и пусть говорят. Мало ли какой вопрос его интересует! Например, как добираться Егору до дома? Автобус пойдёт только в обед, и то, если бензин найдётся. А он запряжёт в колхозе Орлика, он ещё ходкий, и через час дома будут. Но надо и впрямь сначала позвонить и ещё раз услышать от военкома новость. А ещё лучше, пусть Васька разговаривает. А то с Анькой спорить — тут он первый, а как в район трубку поднять — его нету.

— Васька, звонить будешь! — приказал внуку, входя в дом.

— Куда? — не понял тот.

— Куда, куда... Скажу, когда потребуется. Отказываешься тут!

— Да ничего я не отказываюсь. Хоть в Москву.

Москва не требуется, а в справочную и военкому — надо.

— Ладно, пойдём картошки накопаям да огурцов соберём. Анька, по хозяйству.

Суетливость деда больше всего подтверждала, что новость правдивая, и внуки закрутились без понуканий. Однако не успели выкопать и пяток клубней, в огород ворвалась Анна. Тузик путался под ногами, она шикала на него, но собака принимала бег за игру и мешала ещё больше.

— Уйди, проклятуший... Дедушка! Дедушка, дядя Егор едет! Прямо сию минуту. Звонил из Суземки... Ой, бабоньки, я вся, — села на жердины, приготовленные под новый забор.

— Так... автобусу ещё рано, — у Фёдора перехватило в горле. Опёрся на лопату, обретая устойчивость.

— А его, как короля, на машине.

— Васька, живо приберись около крыльца.

Тот по пути дёрнул за волосы сестру и скрылся за углом дома.

— Анютка, картошку чистить, — остановил Фёдор внучку, погнавшуюся за братом.

А сам не мог двинуться с места. Значит, не подвёл своё слово военком. Правду сказал. А что на машине привезут Егорку — это хорошо. Чай, заслужил, чтобы не на телеге тащиться или даже в автобусе. И народ пусть бы увидел, как уважают его сына.

— Степан, — крикнул через забор. Соседа хотя и не видно, но наверняка во дворе колуается. — Степан, покажись на минуту.

Тот вынырнул над узким гребешком забора — мордочки нет, одни уши и козырёк картуза. Обычно он всё лето в трусах и галошах на босу ногу, но после того, как схватил радикулит и пролежал полтыщи в больнице, жадности чуть поубавилось, достал фуражку.

— Егор мой отыскался. Везут из района на машине. Так что, если не хватит беленькой, я у тебя займу. Потом отдам, — успокоил сразу.

Козырёк с ушами кивнул и скрылся за досками, чтобы больше ничего не попросили.

А Фёдор вдруг вспомнил, что не брился с прошлой недели. Заторопился в дом, бросил мыло на картон из-под книжной обложки, налил банку тёплой воды, начал взбивать мокрым помазком пену.

Успел выскоблить лишь одну щеку, когда у дома затарахтели машины. Да много — он обомлел, глянув в окно и увидев штук пять всяких разных и иностранных тоже. Убравшийся на крыльце Васька кинулся навстречу вылезшему из первой “Волги” Егору. Анька, заревев от обиды, что не она первая, бросила в кастрюлю недочищенную картофелину и выскочила непокрытая. Стерев полотенцем пену с небритой щеки, Фёдор подался вслед за ней, но ноги вдруг надломались в коленях, и он, нащупав рукой деревянный резной диван, обмяк на нём.

— Да что ж это такое, — силится перебороть свой неожиданный недуг, помогая руками расправить и закрепить ноги. — Люди ведь ждут.

А на улице голоса, очень много голосов и боязливое повизгивание Тузика со двора.

— Дедушка, смотри, дядя Егорка мне подарил, — влетела в дом Анна с хлопающей ресницами огромной куклой.

— Хорошо. Помоги мне, внученька, — попросил Фёдор, протягивая руки.

Анна стремительно и ладно подставила под них плечики, словно всю жизнь провела в сиделках, — у старого с малым своей генетический код, своя историческая память на вырубку. Первые шаги дались с трудом, но когда затопали в сенцах и звякнула дверная ручка, он освободил девочку и сам выстоял то мгновение, пока к нему не шагнул с порога Егор — худее худого.

— Ну, батя, ты что, — шепнул сын ему в невыбритую щёку, мокрую от слёз. Придержал, помог сесть на диван.

А хата всё наполнялась и наполнялась незнакомыми людьми. Защёлкали фотоаппараты. Парни с блокнотами о чём-то пытали Ваську и Анну.

— Чего это? — шёпотом спросил сына Фёдор.

Его услышал военком, поднял обе руки, требуя тишины и внимания:

— Товарищи, я думаю, мы покурим на крыльчке. Прошу, — решительно указал всем на дверь.

— Чего это все? — переспросил Фёдор, когда вслед за военкомом выскользнула в сенцы даже кошка.

— А, — отмахнулся Егор, притягивая к себе племянников. — Военкому делать нечего, катается.

Нечего-то нечего, но никого в село так не привозили. Как космонавта.

— А мне сказали, что дяде Егору звание Героя Советского Союза дадут! — чтобы показать свою осведомлённость, Анна оторвалась от дядьки и прошептала в ухо деду секрет всего тарарама.

— Что? — оторопел Фёдор. Поднял взгляд на сына. Егорка — Герой? Поэтому понаехали журналисты, как на свадьбу!? А что, Егорка может, он всегда во всём ходил в первых рядах. А ноги вновь стали рассыпаться: — Где ты был? — подался к сыну. Из-за слёз строгости в голосе не нашлось, и запоздало ужаснулся лишь тому, что могло происходить с Егором, ежели дают такое звание.

— О-о, там меня уже нету, — с довольной улыбкой, при которой, тем не менее, потемнели глаза, ответил тот. — А до Героя ещё далеко, пока все бумаги подпишут. Пока только запрос в военкомат пришёл, а тут уж растрезвонили. В армии надо ждать приказа, да, отец? Как сам?

— Шкандыбаю помаленьку.

— И на велосипеде ездит, — подтвердила Анютка, не желая оставаться в стороне от разговора. Подластилась к главному гостю: — Дядя Егорка, а герои ведь бывают только на войне и в книжках на картинках.

— Вот и я им то же самое говорил, — поддержал племянницу Егор. — А как у тебя поведение?

— У меня хорошо. У Васьки плохо.

— А Ваську мы накажем — будет в армии гранатомётчиком, заставим таскать самое тяжёлое оружие. Так, Василий? Или Анна напраслину наводит? Ясно. За неделю, пока буду тут, ситуацию проясним? Молодец. Погоди, это тебе давно обещанное, — достал из пакета морскую тельняшку.

Васька выхватил сверток, из которого для полного счастья выскользнул и впился в пол диковинный охотничий нож с ручкой из козлиного копытца. Анна попыталась сообразить, насколько она прогадала с гостинцами, но Егор хлопнул в ладоши:

— Ну что, гостей будем потчевать?

Анна уже выкладывала из сумок гостинцы. Фёдор лишь отметил пару диковинных бутылочек с вином — такие потом в стеклопосуде точно не примут. Хотя, когда Егорка станет Героем, пусть попробуют отказать! Неужто и правда — Герой? А мать не дожила. И людям ведь надо как-то сказать, а то возьмётся в хлеву со скотиной и не ведают, от чего скоро ахнут...

В дверь постучали, и вместе с кошкой вошёл, зацепившись ногой за порожек, военком.

— Егор Фёдорович, Фёдор Максимович, — обратился он к хозяевам уже по значимости воинских званий и будущей награды. — Мы попрощаться. Работу вместо нас никто не сделает.

— Как отъезжать? А стол? — не понял Егор. — Нет-нет, у нас в доме так не принято.

— У нас ещё будет повод, — успокоил майор. — А пока отдыхайте с дороги. Если нужна машина — звонок лично мне, и никаких проблем.

— Всё равно не пойдёт! — запротестовал Егор, подтаскивая майора за рукав к столу.

Но тот проявил упёртость:

— Нет и нет, все уже в машинах.

— Тогда держи, — Егор вытащил из сумки ещё одну бутылку, закатал в районную газету, сунул в руки военкому. Тот запротестовал, но не настойчиво. А от порога ещё раз поклонился.

— Нехорошо получилось, — не одобрил Фёдор Максимович, когда майор исчез. После первой волны радости захотелось оправдать свою сентиментальность и волнение. — Тебя везли, а ты не посадил людей за стол.

— Но ты же сам видел, — принялся оправдываться Егор. И мимоходом подтвердил про награду: — Ничего, может, и впрямь повод найдётся ещё собраться.

— Дядя Егор, а мы завтра идём в лес с новенькими. Ну, которые у нас в доме живут. Ну, учительница...

— Не тараторь, — остановил Фёдор внучку. — Накрывай на стол, раз одна в доме в юбке.

Сам пошёл в кладовку за белянкой — проверенной, не отравись. А заморские наливки пусть постоят. Васька мерил тельняшку, не выпуская нож из рук, и Аня вновь подлезла с новостями, которыми не терпелось поделиться:

— А у тех, у новеньких, Оксанка есть, и в неё Васька наш влюбился. И Женька ещё у них, мы подружились. Но не так, чтобы прямо завтра свадьбу справлять. А Вера Сергеевна, сестра их старшая, теперь у нас пионервожатая, перед началом учёбы в лесу проводит “Партизанские костры”. И мы завтра все идём туда. Пойдёшь с нами?

— Если отосплюсь, — поставил условие Егор.

Главное, он дома, а идти здесь можно на любые стороны, всё родное и всё хочется увидеть...

Глава 9

Не за шкурой зверя и не за мясом его брёл по лесу охотник. Не те глаза имел Фёдор Буерашин, не так крепки были руки и быстры ноги, чтобы заниматься промыслом. Ружьишко устраивалось за спиной больше по привычке, с послевоенных времён, когда по лесу хозяевами рыскали волки.

Двустволка цеплялась за ветви и просилась на другое плечо, с которого, как ей казалось, не пришлось бы поминутно сползать. Но поскольку жизнь давила хозяину на оба плеча одновременно, то откуда второму оказаться моложе или сохранив близнеца?

Польза имелась в случае, повесть хозяин ружьё на стенку. Да только когда подошла для Фёдора Буерашина пора лежать на печи да греть кирпичи, никого не оказалось в округе, кто бы смог заменить его в лесу. В пенсионные проводы начальство навезло подарков и грамот больше, чем за всю предыдущую жизнь — лишь бы продолжал исполнять обязанности лесничего вкупе с лесником, что почти одно и то же. Оно и дураку понятно: кому охота бродить вокруг чернобыльской радиации, рыжей кляксой упавшей на лес. По карте глянуть — прям родимое пятно на лбу у Горбачёва...

Позади Фёдора пробирался среди кустарников Егор. Сбоку плуτούν шерочкой с машерочкой Анна и Женька. За то, что потеряются, не беспокоился: Аня звенела без умолку, коровы с колокольчиками на шее быстрее

забредут в никуда. Притихли Васька с Оксаной, но у тех и разговоры более взрослые, не для каждых ушей.

В верхушках деревьев начал зарождаться шум листвы, и Фёдор Максимович остановился перед муравейником. Вгляделся в чёткое мельтешение рыжих паровозиков. Дети присели рядом, и Аня озабоченно покивала головой:

— И к гадалке ходить не надо — дождь скоро.

Женьке муравьиная пирамида ничего не известила, но простофилей показаться не захотел и на всякий случай тоже кивнул: скорее всего, так и получится. Поторопился проявить себя и Васька, показывая Оксане остриём подаренного ножа на холмик:

— Видишь, муравьи бегут только в кучу и закрывают свои убежища папочками? Точно от дождя.

Все подняли головы вверх, где верхушки деревьев штриховали и без того малый просвет неба. Фёдор Максимович приладил удобнее ружьё:

— Надо поспешить, авось успеем.

Идти требовалось до бывшего партизанского аэродрома, на окраине которого школьники и проводили свои соревнования. Раньше делали это чаще, теперь — всё реже. Лесничего на них никто не приглашал, но когда Анька сказала, что новая учительница вместе со старшеклассниками возрождает “Партизанские костры”, засобирался. Лето простояло сухое, и ежели не углядят за огнём, то тому доскакать до Рыжего леса — как голодным курам Степана до чужого корма. Вот тогда всем в округе ложись и помирай. По крайней мере, так говорили начальники в Брянске. Из их формул и графиков Фёдор Максимович запомнил твёрдо одно: если полыхнут заражённые деревья, границу радиации смело можно увеличивать на десятки километров. Скорее всего, это правда, будь по-иному, выжгли бы чернобильское пятно — и дело с концом! Пока же ни на дрова лес нельзя брать, ни на мебель, ни на колья к ограде, ни на оглоблю к телеге. Стоять и умирать лесу поодиночке. Хотя, что делать дальше с умершими и упавшими деревьями, тоже никто не знает...

К огромной опушке, приспособленной партизанами в войну под аэродром, вышли под усиливающийся шелест листвы. Ветерок приятно освежал, но поскольку нёс грозу, радоваться прохладе не приходилось.

— Вон там они должны быть, — показал Фёдор Максимович на противоположный край уже заросшего кустарником поля.

Аня и Женька побежали вперёд, но вдали, распеваясь перед концертом, пророкотал гром, и дети тут же вернулись под руки взрослых.

Лагерь нашли по песням из магнитофона и расстилающемуся под листвою дыму. Разномастные палатки, натянутые среди сосен, окаймляли плешивый косогор, в центре которого дымился бесхозный костёр. На подошедших гостей внимания никто вроде не обратил, но едва они ступили за черту лагера, сбоку появилась Вера Сергеевна в красной пилотке и с пионерским галстуком поверх спортивного костюма. Оксана и Женька подались к сестре.

— Фёдор Максимович, здравствуйте, — кивнула она старшему. Остальным улыбнулась. Несколько задержала взгляд на Егоре, запоминая новое лицо, хотя Анна уши прожужжала своим героическим дядей. — Какими ветрами к нам, да ещё вместе с дождём?

— Ветра служебные, Вера Сергеевна. Вон костёр оставили без присмотра.

— Не ругайтесь, Фёдор Максимович, мы с огнём аккуратные. Сейчас затушим.

— А это наш дядя Егор, он вчера приехал. Я же говорила! И знаете... — Аня потянулась сообщить новость на ушко, но осеклась под взглядом взрослых, заулыбалась виновато. А чтобы язык сам случайно ничего не сболтнул, побежала к костру, увлекая Женьку.

К огню прокурором пошёл и Фёдор Максимович. Пионервожатая протянула для знакомства руку Егору, но тут громыхнуло так, что даже дым от костра пригнулся к пустым консервным банкам, защитным частоколом выложенным вокруг огня. Егора и Веру обдало водяной пылью, обычно клубящейся впереди ливня, и тут же наверху застучало, закрипело, завозилось —

дождь с ветром обрушились на деревья, выкручивая им ветви, выворачивая наизнанку листья, сгибая непокорные верхушки. В расшатанные в небе щели обрушились потоки воды.

— Укрыться, всем спрятаться, — бросилась к лагерю Вера.

Егор на бегу сгрёб выложенные на просушку одеяла и подушки, бросил их в первую попавшуюся палатку. Тральщиком сгрёб себе на грудь развешенную на ветвях одежду.

— Это наше, наше, — раздался из-за трепещущего на ветру полога девичий голосок, и Егор швырнул ношу в проём.

Ещё дальше на разложенной палатке виднелись коробки с провиантом, и Егор, уже окончательно мокрый, побегал к ним. Носить продукты по отдельности времени не оставалось, и он вздёрнул края солдатской скатерти-самобранки, сваливая еду в кучу.

— Сюда, — услышал голос Веры Сергеевны. Согнувшись под ливнем, она махала рукой от крайней, приспособленной под продовольственный склад палатки.

Прежде чем забросить в темноту узел, Егор подтолкнул внутрь пионервожатую. Вера попыталась воспротивиться, побегать снова что-либо спасти, но небеса метнулы такие молнии, разразились такой раскатистой гневной тирадой, что сама потащила под брезент невольного помощника. В тесноте Егор остушился, упал на острые края рассыпавшихся консервных банок.

— Вы живы? — прошептала Вера.

— Вам-то зачем мокнуть? — как маленькой, назидательно выговорил учительнице. Расчистив местечко рядом, протянул руку: — Идите сюда, в середину.

Оставаться одной в палатке с незнакомым мужчиной на виду у всего лагеря, а к тому же перебираться под его руку посчитала не совсем удобным. Неделью назад уже оставалась в кабине с мужчиной одна, опыт приобрела...

— Мне надо ещё проверить всех...

Егор легко понял причину беспокойства соседки, и, хотя совсем не имелось желания вылезать под ливень, подался к выходу сам.

— Оставайтесь. Оставайтесь, оставайтесь. Я к своим.

Сказал, абсолютно не имея понятия, в какой палатке укрылись отец с ребятами. Дверцы всех брезентовых домиков были плотно зашнурованы, и никого, собственно, не интересовало, где и с кем оказалась вожатая. Но раз забоялась саму себя и захотела, чтобы исчез, — вопросов нет.

Его не остановили ни словом, ни жестом, и он перебежал под ближайшую сосну. Отыскал над головой сук потолще, прижался к потемневшей от влаги золотистой чешуе ствола. Если смола прилипнет к рубашке, потом не отстирать. Кто будет виноват? Конечно, Пушкин! Вот если бы с Ирой Точилкиной оказаться в такой ситуации... Удастся ли вообще встретиться ещё? Вот где грация и красота!

Оборвал себя. Самое постыдное для мужчины — сравнивать женщин для личной выгоды. К ним надо или как в омут с головой, или...

— Скоро не кончится, — вдруг раздалось за спиной.

Егор отпрянул от ствола: с другой стороны сосны стояла Вера и вприщур, спасая от дождя глаза, глядела вверх. Только ведь самый толстый сук он уже занял.

— Зачем вы вышли?

— У нас в отряде мушкетёрский девиз: “Один за всех, и все за одного”. Тогда могла бы и воспротивиться его уходу из палатки...

— Вы промокли.

— Не больше вашего.

— Перемещайтесь сюда, здесь меньше капает.

— А в палатке не капает вообще, — пожалала плечами Вера.

И улыбнулась, всё понимая, принимая, успокаивая и прощая одновременно. Благодарно оставляя при этом мужчине право выбора — идти или остаться. А она не такая уж и простенькая против Иры...

— Вы — первая, — с радостью согласился вернуться под тесную крышу Егор.

— Вместе, — не согласилась пионервожатая больше делиться.

Под дождём едва не взялись по-детски за руки, чтобы не упасть в мгновенно образовавшиеся лужи. У палатки Егор элегантно распахнул мокрый полог, позволяя даме юркнуть в темноту первой. Стойко выдержал непогоду, пока Вера устраивалась среди коробок, и лишь после этого нырнул следом.

— А холодно, — произнесла в темноте Вера.

Не просила погреть, — конечно же, нет! — просто констатировала факт. Но Егор, распознав по белым ободкам на спортивном скрещенном на груди руке, принялся быстро-быстро тереть, разогревая, женские плечи. Вера не сопротивлялась — сама проделывала подобное со своими юнармейцами. В том, что ей могла быть приятна мужская забота, она себе никогда бы и не призналась. Идёт выживание в экстремальных условиях — какие нежности, о чём разговор! От них она еле отбилась в джипе, колено до сих пор болит. Вольности с противоположной стороны пока не допускаются, а как дождь прекратится, они вообще с Егором разойдутся, будто не виделись.

Но ведь увиделись! Утверждая это, Егор чуть сильнее сжал женские плечи. И прежде чем Вера деликатно повела ими, восстанавливая границу дозволенного, успел почувствовать, как соседка волнительно вздрогнула, задержала дыхание. Всё это было настолько микроскопическим, а потому неправдоподобным, что поведай Егор ей об этом мимолётном отзвуке, рассмеялась бы, как над великим сказочником. И Вера отталкивает, конечно, не его, а свой страх. Что не устоит, не справится с собственными чувствами...

— А вы мне... понравились, — поспешил он оправдать вожатой её поведение.

— Все вы... поначалу... так.

— Я готов извиниться за всех, кто вас когда-то обидел, — по-гусарски склонил голову. Как легко просить прощения за чужие грехи!

— Меня не обидишь, — успокоила Вера и попыталась гордо усмехнуться.

— Я вас ещё увижу? — боясь спугнуть неосторожным словом или движением замершую девушку, поинтересовался Егор. Хотя зачем спросил? Поддержать разговор? Потому что ни Ира, ни Таня не вспомнились?

— Я в школе работаю, — ушла от прямого ответа пионервожатая.

— Тогда наверняка увидимся.

Помолчали, не зная, до какой степени они могут позволить себе игру в “холодно-жарко”. Но едва Егор попытался устроиться удобнее, Вера кожей почувствовала новое приближение и подалась к выходу:

— Дождь там не утих?

По палатке по-прежнему безостановочно стучало, но пионервожатая приоткрыла полог.

— Наверное, я всё-таки пойду. А то... потом будет неудобно.

Вера невольно признавала их пребывание в палатке тайной, и Егор сделал для себя неожиданно сладкий вывод: это хорошо, когда женщине есть чего стыдиться. Значит, это и будет ею вспоминаться.

Дождь явственно стихал, кое-где уже начали хлопать брезентовые пологи, и Вера торопливо вынырнула наружу. Втянув голову в плечи, побежала к палатке, над которой тяжело, словно больной, потерявший все силы в борьбе с недугом, висел мокрый флаг. Но прежде чем скрыться в новом пристанище, Вера оглянулась и, как показалось Егору, улыбнулась.

“Ты ведь не забудешь меня?” — запоздало подмигнул и он.

Ответа дожидаться не удалось — слабее прошлого, но прогрохотал гром. Попыталась начертать его образы на светлеющем небе молния, но слишком быстрым и ломаным оказался её росчерк.

Глава 10

Дождю, похоже, был рад только Фёдор Максимович — не придётся волноваться за кострище. Уловив перерыв в дробной пляске по брезенту, вылез наружу. Лагерь был пуст, только Егор оценивал последствия грозы.

— Вера Сергеевна, мы прощаемся и уходим, — позвал по сторонам, не зная, где искать вожатую.

Вышла из штабной палатки. Стараясь не встречаться взглядом с Егором, зябко охватила плечи, став совершенно не похожей на ту бойкую и уверенную в себе вожатую, которая увиделась перед дождём.

— Чем-то озабочены, Вера Сергеевна? — отметил перемену лесничий. Хотя, какой ей быть, если остаётся с ребятами на ночь в мокром лесу?

Брат с сестрой подались к Вере, та прижала их к себе, торопливо попыталась улыбнуться:

— Нет-нет, всё нормально. Просто девочки... двух девочек гроза застала в лесу.

Веру начала бить мелкая дрожь, но не от холода, а от осознания того, что могло случиться с ребятами, оказавшимися без присмотра. Егор опустил глаза: Вера винит и его, что сами спрятались, а ребят не проверили?

— Промокли, колотит их, — попросила взглядом помощи или совета.

— Пойдёмте, глянем, — направился Егор к “медсанбату”. — И найдите для них сухую тёплую одежду.

Вера исчезла в первой попавшейся палатке, Егор вошёл к девочкам. Те сидели, укутавшись в одеяла, одновременно кашляли, и Егор вытащил фляжку с оставшейся после Пятака водкой. Захваченная скорее по привычке разведчика, чем по надобности, оказалась к месту.

— Раздеться и представить мне спины для растирки. Минута времени.

Пропустив Веру с ворохом одежды, вышел наружу. За брезентом захихикали, и, наконец, позвали его. Егор налил пригоршню спиртного, подышал на водку, согревая её. Наклонился над девчачьими спинками с торчащими лопатками, принялся втирать влагу в загорелую кожу. Вера стояла наготове с куртками, и едва Егор сделал передышку, укрыла ими девочек.

— Ещё, — скомандовал Егор.

Когда вновь под ладонями стало сухо и горячо, кивнул Вере — укутывай. Сам вышел наружу. Отец с ребятами разводил костёр, и он помедлил, дожидаясь вожатой.

— Давайте, я останусь. А то вы одна, с детьми...

— Нет-нет, спасибо, ни в коем случае. — Вера даже замахала руками. — Да и что здесь случится? Лагерь большой, семь отрядов, из всех ближайших районов. Это просто мы крайние. Не волнуйтесь. Мы уже привычные.

В глазах — и благодарность за помощь, и страх за свою репутацию, если вдруг Егор всё же останется. Ребята взрослые, станут домысливать, потом пойдут разговоры по селу...

Страхи вожатой прочитались легко, и он протянул фляжку:

— Это остатки на растирку. Высушите у костра одежду. Побольше чая горячего. А главное — сами держитесь.

— Спасибо. — У Веры опустились плечи. Впервые за много-много лет кто-то позаботился о ней самой. — Если можно, посмотрите там за братом с сестрой. Они самостоятельные, но...

Уходили под завистливыми взглядами высыпающих на поляну ребят.

— Вы чего не записались в отряд? — скользя по мокрой тропе, поинтересовался Егор у Васьки с Оксаной.

— Женьку не взяли по годам, Оксанка без него никуда. Ну, а Васька, соответственно, за компанию, — дала тактический расклад идущая впереди, но вращающая ушами, как локаторами, Анна. А уж чтобы совсем утвердиться в роли начальника “генерального штаба”, выложила и сведения от “резерва верховного главкомандования”: — Да и Зойка Алалыхина в отряде. А кто с ней рядом — тому жизни нет.

Васька, выдавая себя с потрохами, соскользнул с горбатой тропинки, чертыхнулся, и Анька засемила быстрее. Егор разлучницу Зойку совсем не помнил, может, даже растирал именно её водкой, но с Оксанкой племянник не прогадал. Красивая девочка.

К селу пошли вкруговую, вдоль Неруссы, чтобы не собирать в лесу за поворот дождевые капли с веток. Освобождённое от облаков солнце грело

на плечах влажные куртки, “в сто тысяч солнц”, как по Маяковскому, сверкали водяные бусинки на листьях. Хватит ли солнцу сил пробиться сквозь деревья, чтобы обсушить лагерь и ребят? Или всё же плюнуть на пересуды и вернуться?

Отгеснив Анну с Женькой, догнал отца. Однако совета спросить не успел: тот остановился, пристально взглядываясь в излучину реки и озаряясь улыбкой.

— Что? — спросил Егор.

— Ого! Река русло поменяла, — ответил за спиной Васька.

Честно говоря, Егор уже не помнил, как петляла здесь Нерусса.

— Она не поменяла, внучек, — не отрывая взгляда от воды, ответил Фёдор Максимович. — В войну она текла именно здесь. И именно в этом месте мы переходили её вброд, когда выводили бригаду Ковпака в рейд на Украину.

Ребята замерли, но скорее не от увиденного, а услышанного: об этом же в книжках написано! Столетняя давность. И вот это всё перед глазами? И дед знал Ковпака?

— А... а почему вода вернулась обратно? — не могла не полюбопытствовать Анна.

— А реки помнят свои берега, Аннушка, — улыбка не сходила с губ Фёдора Максимовича. — Увели мелиораторы её течение ближе к полям, а вот пошёл бурный поток после грозы, дал воде силы, — и всё стало на свои места. И лопнул пшик.

— Хорошо, — повернулась к Женьке Аня.

Что хорошего в пшике, Женька не понял. Он пока ещё мало что понимал в деревенской жизни, детдом причаёт или выбиваться в лидеры, или притихать...

— Вот и вы не меняйте своих берегов, — оглядел всех Фёдор Максимович. — Не предавайте свой род, страну, историю.

Пошёл дальше — спокойно, уверенно, пусть и немного скорбленно под тяжестью ружья и прожитых лет. Уверенность, скорее всего, ему придала Нерусса, вернувшаяся в свои берега. А ещё сын и внуки, идущие с ним одной тропой. След в след.

— Незавидная у нас с тобой доля, — поймав паузу во взрослых разговорах, прошептала Аня на ухо Женьке. Придержала, отставая от всех. — Плохо, если дяде Егору наша Вера Сергеевна понравится.

— Почему плохо?

Посмотрела на жениха с сожалением: неужели и тебе всё разжевать и в рот положить, как Ваське?

— Так до нас очередь никогда не дойдёт.

— Какая очередь? — продолжал недоумевать Женька.

— Так сначала твоя сестра может замуж выйти за дядю Егора. Потом могут и Васька с Оксанкой посвататься. А мы с тобой вон — аж третьи на очереди. Не дойдёт...

Женька резко отстранился, словно Анька уже повела его под венец. Но женские заботы согнули девочку так, что она ничего не видела, кроме мокрой дороги. Куда выведет?

Зато остановилась Оксана, протянув руку в поиске опоры. Васька поддержал, испуганно заглянул в лицо попутчицы.

— Что-то кольнуло, — не менее испуганно улыбнулась Оксана, пытаясь вздохнуть. — Сейчас пройдёт.

Она попыталась осторожно набрать полную грудь воздуха, этого не получилось, и она опять виновато заулыбалась сквозь непонятную боль.

— Конечно, столько ходить с непривычки, — успокоил Васька, не выпуская руку. — Сейчас отдохнёшь и раздышишься.

К ним вернулся Егор, внимательно всмотрелся в побелевшее лицо девочки.

— Сейчас пройдёт. Первый раз так далеко ходила, — поторопился оправдать остановку племянник.

— Тогда не торопитесь, потихоньку. Можете даже отстать, — разрешил Егор. — Одни справитесь?

А может, ребята и хотели остаться одни?

Усмехнувшись гениальной расшифровке лежавшей на поверхности тайны, заторопился за ушедшими гуськом старым с малыми...

После обеда и отдыха Фёдор Максимович и Егор, прятаясь друг от друга, стали собираться каждый по своим делам. Лесника ждала Тихонова пустынь с бетонной глыбой, от которой он худо-бедно, но уже отколол за эти дни заметный кусок. С Евсеем Кузьмичом пересеклись лишь однажды — бывший командир слабел на глазах, забывался всё чаще и в помощники не годился.

Наверное, можно было сдёрнуть плиту трактором. На худой конец, нанять отбойный молоток. Но раз решили с Евсеем Кузьмичом очистить родник собственными руками, то и посчитали этот способ единственно возможным. Зато народ не шибко любопытствует двумя Микеланджеломи, тихо бьющими по зубу и собственным пальцам...

Егор выискивал в чулане одежду попроще, чтобы не жалко было измарать её в темноте. В первые годы службы он много чего привозил из военной формы, пока не перестали её выдавать, заменяя деньгами. Надеялся, что отец отправится по своим делам, и отвечать на лишние вопросы не придёт. Хотя что отвечать? Может, он вообще не дойдёт до лагеря. А если и дойдёт, то не останется ночевать и сторожить ребят. А к утру в любом случае будет спать на собственной кровати в подвале.

Чутко уловил, как отец вывел велосипед за калитку. Анька ускакала к постояльцам, Васька гонялся где-то за собственным хвостом, и Егор торопливо облачился в походное. Начеркал на тетрадном листочке: “Я в гостях”, — положил записку на телевизор — до программы “Время” не заметят, а там, может, он и вернётся. Всё по-честному, просто забыл написать, к кому именно пошёл в гости. Из одноклассников в селе не осталось никого, но учителя живы, рыбаки на озере сутками сидят...

Себе признался, что идёт в лагерь ради Веры. Она не выказала особой приветливости, а позвони перед отъездом Ира или случись встреча с Таней — возможно, сейчас бы шёл в другую сторону или, наоборот, спокойно лежал на диване. Неужели Вера всё же заинтересовала? Жениться он, ясное дело, не собирается: его профессия, к сожалению, предполагает вдов и сирот. Просто побыть вместе, помочь чем сможет... Но смелая! Пойти лагерем в лес с детьми — это не ему под прикрытием всего Советского Союза кувыряться с американцами в тёплых морях.

В одиночку расстояние до лагеря покрыл значительно быстрее, чем утром цыганским табором. Уже выглядывал палатки среди так и не просохших сосен, как уловил гул мотора: кто-то пробивался по лесной дороге. Скорее всего, с проверкой из района. Тогда надо подождать, чтобы к пионервожатой не возникло вопросов о постороннем.

К лагерю юзил залепленный грязью по крышу джип. На его звук от палаток выбежала Вера — всё в том же спортивном костюме с белым ободочком. Не во что переодеться? На себе сушила? Увидев и, скорее всего, узнав машину, она непроизвольно подалась назад, под защиту ребят, но переборола себя и перегородила дорогу в лагерь.

Водитель, несмотря на скользкую дорогу, сумел подъехать к пионервожатой вплотную, и та вынужденно отступила от пышущего жаром капота машины.

— Здесь горят “Пионерские костры”? — с улыбкой приоткрыв стекло, высунулся из кабины Борис Сергованцев. Не дожидаясь подтверждения, вышел из автомобиля. Предусмотрительно обутый в сапоги, он вначале осмотрел машину, покачал головой, вызывая к соучастию пионервожатую. — Вот так к вам добирался! — Открыл заднюю дверцу, вытащил два холщовых мешка, взвалил на плечи. Мимо ничего не понимающей девушки начал выбирать на обочину.

— Это... что? — на правах хозяйки спросила Вера.

Борис свистнул выглядывающим из палаток ребятам — ко мне. Перевалил в их руки мешки, разрешил тащить в лагерь.

— Что это? — уже требовательнее поинтересовалась Вера.

— Спонсорская помощь. Встретился с главой района, он и рассказал про лагерь, попросил помочь. Плащи от дождя, кое-что из теплой одежды, одеялки, сухари, пряники, чай...

Вера не знала, как реагировать на подарки. Бесплатный сыр, известное дело, лишь в мышеловке, но если глава района просил...

— Спасибо.

— Вера Сергеевна, вы простите меня за... за моё поведение в прошлый раз. Я воистину был очарован вашим обаянием и... Не сдержался. Простите.

Развёл руками, склонил повинно голову. Стало слышно птичье пение, пахнуло дымом от костра. Около палаток раздались возгласы — ребята наверняка рассматривали подарки. Но это же на все отряды, не только для Журиничей! Ничего не ответив, Вера поспешила к юнармейцам. Борис легко перевалил на машине через игольчатую обочину и поехал вслед за ней.

— Вот и вся недолга, — усмехнулся Егор. Такая женщина воистину достойна того, чтобы к ней ездили на джипах, а не приходили пешком в заштопанных солдатских брюках и с посохом. Вера уже приглашала водителя к костру, тот благодарно кланялся, рассказывая что-то весёлое. В её фигуре исчезло напряжение, и, не увидев угрозы лагерю со стороны приезжего, Егор повернул в обратную сторону. Авось успеет до возвращения отца убрать записку. Да и в Москву можно собираться...

Глава II

В столице Егора ждал срочный вызов к начальнику управления.

Срочным могло оказаться всё: в стране каждый день что-то горело, взрывалось, прорывалось, а главное — ничего не исполнялось. Ничто никем не контролировалось, никто ни за что, по большому счёту, не отвечал. По телевизору шёл нескончаемый сериал из драк и споров депутатов Верховного Совета, в стране правилом хорошего тона считалось разоблачать историю, обзывать самих себя “совками”, ходить на митинги, спорить, собирать бесконечные подписи “за” или “против”. Но только не работать. Впрочем, и работы оставалось всё меньше...

Томаясь в коридорах управления в ожидании приёма, подошёл к стенду с фотографиями членов Политбюро и высшего командного состава. Всмотривался в лица людей, кому выпало на своих плечах держать громадину континента, не вмещавшегося даже на одной страничке географического атласа. И невольно стал усмехаться. Министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, обязанного первым стоять на страже международных интересов страны, вдруг наградили американской антивоенной премией мира и австрийским орденом “Милого Августина”. Вадим Бакатин, назначенный за время отсутствия Егора председателем КГБ, сдал Америке суперсовременную схему подслушивающих устройств, разработкой которых десятки лет занималось несколько институтов. Говорят, начал публиковать главы из своей книги “Избавление от КГБ”. Начальник — об избавлении от собственной организации и подчинённых. Бред!

Да что они! Горбачёва на Западе наперегонки объявляли то “лучшим немцем”, то “другом” Америки и Великобритании, но только не собственной страны.

Не менее знаменит оказался и Борис Ельцин. Ещё вчера ломавший хребты тем, кто не желал вступать в партию, сегодня водит толпы демонстрантов по Москве, страстно обличая то, к чему сам ещё вчера всех призывал. Егор Гайдар, внук яростного борца за Советскую власть Аркадия Гайдара и сын бессменного руководителя военного отдела газеты “Правда” Тимура Гайдара, сам долгое время проработавший в журнале “Коммунист”, назвал советские годы химерой и возглавил реформы против того, за что боролись его предки и он сам. Генерал Дмитрий Волкогонов, отвечавший в Вооружённых Силах за идеологию, написавший пафосные книги “Советский солдат” и “Доблесть”, которые по его же указаниям заставляли солдат поголовно конспектировать, лично же и возглавил комиссию по... ликвидации этих

самых политорганов в армии и на флоте. Под Геннадия Бурбулиса, заставившего ещё вчера учить студентов в свердловском институте марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм, на американский манер создали должность госсекретаря — с ней он и клеймил советский строй. История России, вне сомнения, не знала примера, когда одновременно стали перевёртышами десятки людей, оказавшихся в высших эшелонах власти. Океан способен абсорбировать грязь и самоочищаться, а тут в руководстве страны оказались предатели, страну не знавшие и не любившие. Порядочные люди вообще-то стреляются, когда к ним приходит прозрение и они вдруг убеждаются, что вели народ не в ту сторону. В крайнем случае, затихают и уединённо отмаливают грехи.

— Буерашин, — донеслось из приёмной.

А может, пришло известие о Звезде Героя? А почему бы и нет? Вроде стыдно об этом думать, но раз уж завертелось... Уже без напряжения вошёл к “кап-разу”, ответил на рукопожатие.

— Попросят человека в охрану Ельцина. Пойдёшь? Он же для тебя вроде кумира... — В словах горечь и усмешка. Оттого, что Ельцин на каком-то этапе в сравнении с Горбачёвым был предпочтительнее Егору или что надо ему самому отдавать подчинённого? — При этом гарантий никаких по твоему обратному возвращению.

“Кап-раз” взгляд не отвёл, и Егор понял: вопрос с переходом из ГРУ в службу безопасности президента России ему решать самому. При этом догадываясь, что разведуправлению желательно иметь своего человека около “Тела”. Вообще-то на Полежаевке онемели, когда у них неожиданно запросили офицера в растущую, как на дрожжах, охрану Ельцина, в знаменитую “девятку”. Если уж и там был некомплект офицеров, если собирали с миру по нитке, то можно представить, как упало в глазах политиков КГБ, откуда всегда пополнялась эта самая “девятка”. На госбезопасность навесили столько собак, ей приписали такие прегрешения, что решили держать старые чекистские кадры от греха подальше?

Генштабовскую, военную “разведконттору” подобное миновало лишь потому, что, в отличие от своих извечных конкурентов, они никогда не занимались политикой, по крайней мере, в своей стране. Не имели военные разведчики в пределах Садового кольца и зданий, памятников, которые можно было бы митингующим громить под объективами телекамер, доказывая свою лояльность и приверженность демократии.

Оказались “грушники” более недоступными и для общественного мнения, которое формировали депутаты вкупе с журналистами, взявшими на себя право оценивать жертву каждого ведомства на алтарь Отечества. При этом за эталон кристальной чистоты брались “общечеловеческие ценности” и права человека — понятия настолько расплывчатые, что понимались каждым по-своему. Эдакая абракадабра из Сальвадора Дали и Шагала в красном круге Малевича.

И вот капитана Буерашина собственный командир спихивал в чан, из которого вчерашние глашатаи коммунизма звали народ идти в прямо противоположном направлении.

— Ты только не раскрывай там рот, — дал моряк самый ценный совет, словно согласие Егора было уже получено. — И не петушись. От тебя ничего не зависит, поэтому...

— Имею право спросить: за что?

— Свои люди везде нужны, — наконец произнес “кап-раз” ключевую фразу, за которой, надо полагать, и скрывалась глубинная суть неожиданного предложения.

Взял стоявший у глобуса военно-морской вымпел, подержал его на весу, словно прощаясь, — и в самом деле протянул Егору. Смысл мог быть двойкий: если на флоте вымпел вручают кораблю, который доказал свою готовность к самостоятельному плаванию, то в разведке высший пилотаж — это войти в стан противника под чужим флагом.

Не заговор и не новое ГКЧП, естественно, подразумевались: в этом плане людей в погонах приучили служить “за”, а не “против”. Скорее всего,

Генштаб в самом деле боялся уничтожения разведки как таковой и потому спешно выставлял глаза и уши в любых местах, откуда могла исходить угроза, — рядом с Горбачёвым, Ельциным, где-то в окружении Буша, у самого чёрта на рогах. Геральдисты, определяя в эмблему ГРУ летучую мышь, накрывшую распахнутыми крыльями земной шар, оказались крайне дальновидными*. Только вот сам Егор, похоже, подпал под девиз нелегальной разведки: “Без права на славу — во славу Отечества”. Без права на славу...

— Когда и куда прибыть? — обречённо попросил уточнений Егор.

— В четверг в девять сорок пять. Белый Дом на Красной Пресне. Метро “Баррикадная”... Что улыбаешься?

— Интересное словосочетание — красные, белые, баррикады, — поймал игру слов Буерашин. — Такое ощущение, что пока не сменим названия, будем обречены на бесконечные революции.

— Только не они, — поднял руку “кап-раз”. — У них одна привилегия — выкашивать далеко не худших людей. И последнее. Тут Олич заскакивал в Москву на минуту, передавал привет и просил по возможности помочь сестре.

— Я звонил, она уволилась с работы...

— Держи домашний.

Заискрило, пошёл ток по крови, воссоздавая образ той, что занимала в последнее время слишком много места в мыслях Егора. Наверное, больше всего удивилась бы этому сама виновница, ни сном ни духом не ведавшая о переживаниях капитана после встречи у Большого театра. Фамилию можно было не называть, ибо не осталось в Москве магазинов, где бы им не были скуплены все мыслимые и немыслимые образцы точилок. Выстроенные в два ряда на полке в комнатухе офицерского общежития, они теперь категорически не давали забыть точёное личико Иры, детскую чёлку, волосы по плечам. Максим, Максим! Где бы тебя и под какой фамилией ни носило, ты виноват, что однажды передал ракушку. А с ней не просто шум моря, а и голоса сирен, что тащат в пучину...

Выйдя из кабинета начальника, принялся названивать по долгожданному номеру. Получив раз за разом короткие гудки, через Черёмухина “проколол” номер, вычислил по нему домашний адрес абонента. Помчался на другой конец Москвы в надежде на встречу хотя бы около подъезда. Сидел в засаде до тех пор, пока местные старушки, заприметив лугающего семечки незнакомца, не позвонили в милицию. Маленький молоденький участковый, которого захотелось угостить конфеткой, почти грозно потребовал документы, но после их изучения сам всё и доложил: жильцы Точилкины свою квартиру только-только продали, новое местожительство пока неизвестно — требуется оформлять официальный запрос.

В Белом Доме с капитаном Буерашиным долго не разговаривали. Возможно, доверяли рекомендации ГРУ, и требовалось лишь удостовериться, что кандидат жив-здоров. Когда наличие подтвердилось и не вызвало отторжения, сухощавый подвижный майор прямо в фойе “БиДе” расписал ему ближайшую карьеру:

— Пойдёшь сначала “под сосну”, затем поработаешь “мешком”.

Названия таили в себе профессиональную тайну, но, судя по всему, должности Егору светили не очень престижные. Да только что офицеру престиж? Как поётся, жила бы страна родная... Памятуща наказ “кап-раза”, от уточнений воздержался. И, кажется, зря, потому что даже рядом с президентом России имелись не просто низшие, а откровенно тупые должности, от которых Егор мог при собеседовании отказаться. Как бы то ни было, а к Герою представлен. И посмотрим, как все закрутятся вокруг, когда указ будет подписан...

— Стоишь на этом повороте. — Взявший над Егором кураторство майор самолично привёз в какой-то лес и выставил на обочину.

— Задача?

---

* При этом в каждом подразделении ГРУ эмблемы имеют свои отличия. У боевых пловцов место летучей мыши занимает лягушка.

- Просто стоишь. На случай, если здесь поедет Ельцин.
- Как долго?
- Неделю, три, месяц, полгода...
- И всё?
- Всё.

Это было даже не мелководье, где рыба чувствует близкую погибель. Здесь Егора целенаправленно выбрасывали на берег. Два-три взмаха жабрами — и как профессионал останешься навеки с открытым ртом. Увидев поникшее лицо подчинённого, “рыбак” снизошёл до объяснений:

— Пост круглосуточный, поскольку охрана — процесс непрерывный. Если в ней существуют промежутки, её смысл теряется. В шесть вечера смеяют. А пока стой под сосной, думай о женщинах или пиши стихи.

О женщинах думать сладко, если предполагаются будущие встречи с ними. Москва оказалась для лирических знакомств у Егора каким-то проходным двором, Таня и Вера из Журиничей далеки и не его. Стихи не сложились, бросил рифмы ещё в суворовском училище, когда занялся рукопашным боем и стрельбой. Скорее всего, последнее его увлечение службе охраны президента и приглянулось. Но зачем же опускаться столь низко? Его, аравийского тарантула? Может быть, даже Героя? И ради чего?

После смены и вовсе духом пал. В общаге включил телевизор, а над Кремлём реют уже два флага. Красный, советский — над Горбачёвым, оставшимся сидеть “на уголке”*, и новый российский триколор — над Ельциным, въехавшим в четырнадцатый корпус Кремля**.

Два президента, люто ненавидящие друг друга, ужиться в одной берлоге не могли ни при каких обстоятельствах, так что схватка предполагалась скорая. Бедные чубы холопов... Однако говорить велух об “огошках” — объектах государственной охраны — в “девятке” было не принято. Даже менявший Егора “под сосной” майор Штиблет, получивший прозвище за то, что протопал в Кремлёвском полку от солдата до большой звёздочки, говорил о чём угодно, но только не о нравах нынешних обитателей Кремля. А тем более не затрагивал причину, по которой его самого сослали в лес. Все разговоры Штиблет переводил на своего любимца, бывшего министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова.

— С ним начинал. Святой человек для страны.

Егор при Устинове носил ещё курсантские погоны, в училище министра за огромную фуражку и возраст называли “мухомором”, а тут, оказывается, святой... Штиблет не обиделся на скептицизм сменщика, но счёл нужным прочистить память:

— В сорок первом, в тридцать три года — нарком вооружения. В сорок втором — единственный военный, кто получил звание Героя Социалистического Труда. За то, что перевел все заводы на Урал.

Этих энциклопедических фактов должно было оказаться достаточно, чтобы новичку замереть от благоговения.

— А как он любил скорость! — Штиблет служил у министра водителем, и предстоящему рассказу Егор мог верить безоговорочно. — У нас же по инструкции после гибели Машерова в автокатастрофе — не более ста двадцати. Вырвемся на Кутузовский, Дмитрий Фёдорович начинает молча буравить меня взглядом. Втягиваю голову в плечи, но скорость держу согласно приказу. Маршал терпит, терпит, а потом говорит: “Если мы влетим и покалечимся, тебя вылетит Министерство обороны. Но если я тебя выгоню, тебе не поможет никто”.

— Логично, — оценил Егор больше юмор, чем непослушание маршала.

— Но ведь не выгонял! — прорвалась у Штиблета уже сегодняшняя

* На жаргоне охраны — резиденция президента СССР.

** Этот советский флаг, последним развевавшийся над Кремлём и тайно снятый ночью 25 декабря 1991 года, выкупят потом немцы и вывезут над одним из зданий в Берлине. Для истории. Или наשמки, ведь по мирному договору с Германией красный флаг вечно должен был развеваться над рейхстагом. Чтобы это исключить, все послевоенные годы купол рейхстага находился на реконструкции. Впоследствии именно немцы выкупят и мемориальную доску с дома Л. И. Брежнева.

боль, когда его убрали с какой-то должности близ “Тела”. Скорее всего, по каким-то причинам не оказался рядом с ним в день путча. — Не выгнал. А ежели спешил, сам сел за руль, чтобы не подвести меня. Кстати, тогда и пошло гулять по Москве удивление: если маршал сидит за рулем, то кто же тогда рядом с ним такой маленький и лысый?! Я сидел рядом!

Штиблет гордо погладил свою гладкую тыковку, улыбнулся далёким воспоминаниям, когда можно было гордиться даже втянутой в плечи головой...

Несмотря на грызню двух президентов, “девятка” продолжала оставаться общей и, в отличие от хозяев, лодку не раскачивала, ажиотажа не нагоняла. И это при том, что охранники, оказавшиеся в дни путча рядом с Ельциным, вышли в герои, а горбачёвцев таскали следователи. Это и понравилось Егору больше всего, что никто не стал бегать от одного хозяина к другому. Единственное, шутки пошли слишком уж прямолинейные:

— Ну что, стрелять будем друг в друга?

— Только из-за женщин.

Тем не менее, все ждали развязки. Ельцин мог поделиться последней бутылкой водки, но ни при каких обстоятельствах — завоёванной властью, так что одним четырнадцатым корпусом в Кремле он не мог удовлетвориться, а при неумении Горбачёва держать удар исход противостояния определялся заранее.

Новая должность позволяла Егору иметь сутки отдыха, и он регулярно вырывался на Полежаевку, добросовестно пересказывал новости, касающиеся президента России. Но в какой-то момент почувствовал, что его слушают вполуха, что жизнь и контакты Ельцина грушников практически не интересуют. Вывод напрашивался парадоксальный: “кап-раз” засунул его в охрану не в качестве засланного казачка, а чтобы элементарно спасти. Как ни странно, около Ельцина оказалось самое спокойное место: здесь никого не трогали, а самих охранников властью наделили такой, что любое их шевеление пальчиком приравнялось к постановлению ЦК КПСС. “Кап-раз”, вручая вымпел, предполагал его сохранность, сбережение, а отнюдь не выставление напоказ в бою...

А тут сбылось и предсказание майора из “БиДе” насчёт выдвижения. Не успел Егор пересчитать сосны в зоне ответственности, как его выдернули на очередную ступеньку тупости — в “мешки”. Отныне его обязанностью стало сидеть в машине сопровождения президента с единственной целью — выполнять команды старшего экипажа.

— Что, кровь перелили? — усмехнулся грустно Штиблет, узнав новость.

Егор вопросительно посмотрел на сменщика: это значит...

— Ну, ты теперь голубых кровей, белая кость, — пояснил майор новое физиологическое состояние сменщика. — Приближен к “Телу”.

Вот оно что! Майор, сам того не осознавая, открыл, наконец, Егору тайну его миссии. Конечно же, его готовили в камикадзе, чтобы однажды он мог направить машину сопровождения на... Додумывать до конца не хотелось. Да и не верилось, что ГРУ так глубоко влезло в политику.

Ельцин, в отличие от Устинова, на скорость и предписания не обращал никакого внимания. Он говорил, где и в какое время требовалось быть, и охрана сама выбирала и маршрут, и скорость. Сидеть у президентской машины “на хвосте” или идти перед ней “лидером” — это для охранников роли не играло, заменяемость шла полная. Только теперь капитан Егор Буерашин перестал быть просто “мешком”: он стал тщательно анализировать маршруты движения Ельцина, состояние трассы — кюветы, придорожные столбы, парапеты, повороты. Всё, что могло помочь ему в час “Х”. Если он случится. Ну, а потом... Потом, если жив останется, позабудет и имя своё.

Глава 12

— И как служба?

“Кап-раз”, даже если и хотел выразить сочувствие Егору, добился обратного. Уж ему-то не предугадать настроение бывшего подчинённого! Но раз

командир отыскал его в выходной день, предложил погулять в Сокольниках и поинтересовался службой — пора потирать руки? Курок, надолго оставленный во взведённом состоянии, или заклинивает, или у него происходит самопроизвольный спуск...

— Руки-то чешутся по настоящему делу? — считал, как с листа, мысли Егора “Крокодил”.

Ладони вообще-то хотелось потереть от мороза, потому что конец ноября не баловал теплом, а от прошлой зимы осталась одна перчатка — вторые народ теряет так же часто, как и зонтики. А вот командир внимания на холод не обращал, хрустел себе промерзшими с краёв лужицами на дорожках да покуривал. В какие-то мгновения он забывался в своих думах настолько, что Егор чувствовал себя рядом с ним лишним. Но едва делал неосторожное движение, выпадавшее из ритма, “кап-раз” встряхивался, оглядывался вокруг и закуривал новую сигарету. Вне сомнения, всё шло к тому, что прозвучит приказ. На что?

— В Белоруссии бывал? — вдруг поинтересовался командир.

— Пролётом, проездом.

— В начале декабря планируется встреча Ельцина и Шушкевича. В Минске.

Егор слышал о её подготовке, но мало ли с кем встречается президент России. Имеет право. Но только и командир спецназа ГРУ о лишнем, второстепенном заводить разговор не станет. Пришло время “Х”? И что ещё не сделано в этой жизни? Кому, чего и сколько должен? Эх, Героя не успел получить. Лучше бы вообще не всплывало это представление...

По телу пошла мелкая дрожь, и Егор, согреваясь, глубоко засунул руки в карманы полупальто. Сжал там кулаки. Но плечи всё же передернуло от озноба, и “кап-раз” внимательно посмотрел на него сбоку. А что смотреть? Чай, не каждый день выходишь на остриё копыя, которое... Которое — что?

— Мне напрашиваться на мероприятие? — дал понять Егор свою готовность действовать. Но при этом хотя бы чуть-чуть заранее знать, что от него потребуется.

Командир остался доволен реакцией.

— Встреча планируется в Минске, но белорусам прошла команда готовить резиденцию и в Вискулях, это небольшой охотничий домик в Беловежской пуще. И не на двоих — Кравчук из Украины ожидается тоже.

Судя по сказанному, Егору доставалась роль информатора. Слово для гражданских крайне пренебрежительное, тянет на “стукача”, зато для разведки первичные сведения — это ключ для дальнейших действий. Правильных действий.

— И что они могут напечатать друг другу? — осторожно начал выуживать уже для себя информацию капитан.

Грушник растёр уши, то ли согревая их теплом ладоней, то ли невольно намекая, что о разговоре не должен прослышать ни один человек. Ответил, словно зачитал справку:

— Анализируй. В августе Ельцин издаёт Указ и переподчиняет себе всю исполнительную власть СССР, включая Министерство обороны, МВД, ГКБ, печать, правительственную связь. Бред, но Совету Министров РСФСР предоставляется право приостанавливать любое распоряжение кабинета министров СССР. В октябре под юрисдикцию России переходят вся наука и высшая школа СССР. Ноябрь. К России переходит Госбанк, вся прокуратура, включая военную. Продолжать?

— Скоро от СССР останется только должность Горбачёва, — согласился спецназовец.

— В состав российской делегации вкупе с Ельциным включены Бурбулис, Гайдар, Шахрай, а как они ненавидят советскую власть, говорить излишне. Ориентирован на Запад Шушкевич. Референдум на Украине вообще прошёл в пользу отделения от СССР, и Кравчук с этого конька теперь не слезет. Так что желательно знать обстановку на встрече из первых уст.

— А Горбачёв что?

Усмешки командира в усыхватило, чтобы Егор сам же и ответил себе: с президентом страны каши не сваришь. Если не пересолит, то сожжёт.

— Против Горбачёва и играют. А он сопли жуёт. Поработай.

Что ж, приказы иногда отдаются и вот так обыденно, без стойки “смирно” и металла в голосе. Тем более “кап-раз” уже и не командир Буерашину, и вообще — не дело Главного разведуправления Генерального штаба расшифровывать словоблудия политиков. Спецназ — он там, где война, где реальный противник...

— Сам ни при каких обстоятельствах в одиночку ничего не предпринимай. Но когда вернёшься — встретимся.

В конце аллеи показали мужчину и женщину, и, увидев их, “кап-раз” протянул руку для прощания и поспешил на новую встречу. Егор в задумчивости вернулся в общежитие. Значит, никаким наконецником никакого копыя ему не нужно становиться. И ни к чему особенному можно не готовиться. Радоваться или огорчаться? Солдат на войну не напрашивается, но и отказываться от неё погони не позволяют.

Вискули — это три запыленных снегом деревянных коттеджа, банька, хозблок да сам охотничий домик, построенный в 1957 году по указанию Никиты Хрущёва. И двигала им не блажь, но зависть, когда во время визита в Югославию его вывезли на охоту. Организация отдыха превзошла все ожидания, и Хрущёв, не сделавший ни одного промаха, возжелал занять что-либо подобное в СССР.

Впрочем, вопросы истории — не для охраны. Её дело — зачистка. Проехать от военного аэродрома “Засимовичи”, где сядет самолёт с Ельциным, до Вискулей: осмотреть качество дороги, оценить безопасность поворотов. Деревья, которые теоретически могут упасть на кортеж, спилить. Это сажать в Беловежской пуще ничего нельзя, лес должен оставаться девственным, самовоспроизводящимся, иначе исключат как заповедный из списка ЮНЕСКО. У съездов на лесные дороги, откуда возможно появление лыжников или даже зайца, выставить переодетых в форму гаишников сотрудников КГБ. Вынюхать все углы в здании, где будет находиться Дед. Вычертить схему ходов-выходов, окон, дымоходов и печных труб. Перекрыть, замуровать, опечатать, зачистить лишние. Проверить всех живущих в округе. А в первую голову тех, кто окажется приближен к “Телу”, — егерей, истопника в бане, поваров. Впрочем, кухню обязалась привезти с собой минская команда, что значительно облегчало задачу.

В российской охране набралось человек двадцать, так что свою работу завершили за полдня. К вечеру 6 декабря подкатил присланный из Москвы персональный ельцинский “ЗИЛ”. Начал крепчать мороз, и машину от греха подальше загнали в тёплый гараж, выдворив на холод белорусские “Волги”.

Шушкевич прислал пятерых охранников, которые не посмели что-либо возразить россиянам. Кравчук оказался чуть “подороже” — от Украины прибыло с десяток парней, но они держались особняком, словно подчёркивая: всё, ребята, отныне табачок и сало врозь. С тем и разошлись по закоулкам резиденции переспать ночь. Утром первыми поскакали прогревать заиндевевшие машины сябры. Официальный протокол неизменен: первым на объект прибывает хозяин резиденции, чтобы самолично потом встречать гостей у трапа самолёта или у крыльца.

В белорусской делегации больше всего мельтешили корреспонденты и официантки, и это чуть успокоило Буерашина: на тайную вечерю свидетелей не приглашают. Да и с чего “кап-раз” взял, что встреча таит опасность? Для кого? Сработало профессиональное недоверие к тем, кто исподтишка тявкает на хозяев? Но достаточно взять хлыст, и любая моська подожмёт хвост, заюлит и, если не приметя лизать руку, то заползёт под диван. Или командир боится, что Горбачёв как раз и не способен взять хлыст?

Вторыми схватились за рации украинцы — на подлётном времени находился самолёт Кравчука.

— Берите наши машины, — кивнул им Шушкевич, решив не ехать по

морозу на аэродром. Обернулся к стоявшему за спиной премьер-министру: — Всё же прибыл Макарыч. Никуда не делся.

— Это в Москву он ни ногой, — ответил Кебич. А вздохнул в предчувствии проблем: — Надо ждать, что будет настаивать на чем-нибудь более серьёзном, чем просто разговоры.

За плечами президента Украины был референдум, на котором шестьдесят процентов проголосовало за самостоятельность. Результату откровенно завидовал Шушкевич, уважая политическую силу соседа. У Кравчука — сила, у Ельцина — дурь. Прокрутите между такими соседями...

Вздохнув, пошёл на второй этаж смотреть помещения, подготовленные для гостей. Хотя было бы из чего выбирать: в резиденции имелись всего четыре комнаты, пригодные для жилья. Ельцину отвели самые комфортабельные апартаменты, предназначавшиеся некогда для Хрущёва. Для себя Шушкевич выбрал деревянный, машеровский коттедж, который усиленно протапливали. Держали под парами на непредвиденный случай и оставшиеся два домика.

Егор Буерашин, памятуя разговор с командиром, старался вникать во все детали, отлавливал обрывки любых фраз. Но они пока ничего не проясняли. Или политические реверансы намного хитроумнее армейских тактических уловок? В бою уже знал бы, куда вызывать огонь артиллерии, где самому поднимать людей в атаку. Как ни крути, а войны выглядят более честным занятием, чем игры политиков. Наверное, прав был, когда умолял не идти в политику тех, у кого кожа тоньше, чем у носорога...

Время тянулось в ожидании Кравчука, а по большому счёту — Деда. Как ни старались руководители Украины и Белоруссии строить из себя равных братьев, но именно они больше всех понимали, что дела начнут крутиться от состояния и настроения Ельцина.

— Только бы держался на ногах, — переговаривались меж собой телевизионщики. — Из минской встречи так и не смогли выбрать ни одного трезвого кадра.

Приметив Егора, прикусили языки, уткнулись в камеры. Уткнулся в пол взглядом и он сам. Парадокс: политика страны определяется тем, насколько пьян её правитель!

Кравчук оказался значительно ниже ростом, чем виделся по телевизору. Этот зрительный обман играл для политиков исключительно важную роль, превращая едва ли не в недосягаемых божков. А на деле, оказывается, они такие же, как все, — чихающие, сморкающиеся, мёрзнущие человечки. Отведи от них телекамеры, пусти по улице без охраны — ни одна собака не обратит внимания и не гавкнет.

Время клонилось к вечеру, из аэропорта по российскому борту № 1 не поступало никаких известий, и Егор слонялся без дела.

— У кого-нибудь случайно нет казахстанского флажка? — метался по резиденции шеф белорусского протокола. — Может, кто-нибудь помнит, хоть как он выглядит?

На встрече ждут и Назарбаева? Егор невольно пожалел об этом: казахстанский президент казался мужиком рассудительным, без националистических вывертов. А может, это к лучшему: возьмёт нагайку и по-азиатски прочистит славянские мозги?

Мороз крепчал, усиливался снег за высокими окнами, сооружая для каждого пня персональную шапку Мономаха. Нашли зелёный флажок с восходящим казахстанским солнцем. Всё же не зря, видимо, “кап-раз” положил на белорусскую встречу глаз: в послепутчевское время сход подобного формата вдали от Кремля, да ещё без приглашения Горбачёва, ожидался впервые. Ясное дело, в Пуще на каждом суку должны сидеть ребята из КГБ. А может, и сидят.

Прошелестело, наконец, сообщение и для российской “девятки”: самолёт с Первым на подлёте. Начал торопливо одеваться Шушкевич, вознамерившийся, в отличие от Кравчука, встречать Ельцина лично. То, что у президента Украины не оказалось своей машины, выходило на пользу: Леонид Макарович и Борис Николаевич терпеть не могли друг друга, и вместе их

свела только ещё большая ненависть к Горбачёву. Так что, чем дольше гости не будут видаться, тем спокойнее Беларуси.

— Кравчука займите, организуйте ему охоту, что ли, — торопясь к машине, бросил на ходу Шушкевич.

От длинного хвоста свиты отстали нужные люди, поздовали директора заповедника Сергея Сергеевича Балюка. Тот пожал плечами: проблема, что ли, с лишним кабанчиком? Выгоним...

Ельцин, к сожалению, оказался верен себе. Даже Шушкевич отвёл взгляд, когда в проёме самолёта обозначилась покачивающаяся фигура российского коллеги. Дело усугубилось тем, что на военном аэродроме не оказалось трапа, и к борту лайнера пришлось приставлять техническую стремянку. Её со всех сторон придерживала аэродромная обслуга, но под неустойчивой тяжестью гостя она всё же заскользила вдоль самолётного борта. А тут ещё прибывшие машины включили фары, и ослеплённый, теряющий устойчивость российский президент кувыркнулся вниз.

Но “личка” — великое дело! — телохранители рядом с охраняемым лицом... Вот кто не даёт небожителям прилюдно падать носом в салат или на бетонку аэродрома! Не позволяет им проявить свою истинную суть. Вот кто надёжнее телеэкрана лакирует и выставляет на обозрение свой объект в наиболее выгодном свете!

Успела охрана ухватить, удержать своё непутёвое “дитя”. Замахали руками — уберите свет, это он стал причиной конфуза. Уж на что Егор никогда особо не уважал “всенародно избранного”, и тот вслед за Шушкевичем отвёл взгляд, стараясь не замечать усмешек белорусов.

Не спасли ситуацию и полтора часа, отведённые Ельцину для отдыха в резиденции. По крайней мере, на ступеньках маршевой лестницы он появился со сбитым набором галетуком и вылезшей из брюк рубашкой. Один из фотокорреспондентов вскинул камеру, но тут же получил по рукам от собственной белорусской охраны. Пишущая братия, поняв рамки дозволенного, на всякий случай поспешила убрать в карманы даже блокноты.

Самого Бориса Николаевича публика внизу чем-то не устроила. Не сказав ни слова и даже не кивнув для приличия, прямым ходом направился в обеденный зал, где мелькали в белых передничках официантки. За ним вынужденно тронулись остальные, выталкивая вперёд Шушкевича: хозяин отвечает не только за стол и кров, но и за поведение приглашённых.

— Часа на два ужин, потом баня, — кто-то за спиной у Буерашина шёпотом расписал распорядок предстоящего вечера. “Кап-разу” потребовался очередной компромат по пьянке? Что-то дешёво... — А тут бы минут по шестьсот на каждый глаз, — не унимались за правым плечом.

— И грамм по триста на них же, — добавили уже из-за левого. Может, первые сатана и ангел нашли точки соприкосновения.

Кто кого в итоге услышал после ужина, роли уже не играло: президентская троица гуськом пропетляла меж сугробов в баньку, отправив остальных отдыхать в гостиницу. В ней оказалось холоднее, чем на улице, и корреспонденты, народ более ушлый и коммуникабельный, набились в одну комнату. Принялись грушироваться и охранники. Егор своим для них так и не стал, пить со всеми не хотелось, и потому ушёл к себе в номер. Привычно разделся, однако через несколько минут облачился обратно в свитер, а затем и в полуальто. Это не спасло, и спать улёгся в подвязанной под подбородком шапке, укрывшись сдёрнутым со второй кровати матрацем. Знала бы охрана того же Буша, в каком виде пребывает “личка” президента России — посинела бы от зависти.

К утру посинел сам Буерашин, вкупе с корреспондентами и “личкой” сразу трёх президентов, спавшими вповалку там, где грелись. Небритые, покормленные в дымном буфетике тёплой коричневой водичкой, названной чаем, и яичницей с зелёным горошком, они выдвинулись к переполненному огням, запахом кофе и тепла охотничьему домику — пусть как к отчиму, но в надежде получить хоть немного обогрева и пищи.

Внутри здания лунатиками бродили с листочками бумаг такие же невыспавшиеся, небритые Козырев, Гайдар, Шахрай и Бурбулис. Они вычитывали

какие-то тексты, морщились от их корявости, черкали слова, согласовывали друг с другом варианты и расползались по разным углам. Похоже, текст документа нужен был только российской делегации, и его подготовку удачно спихнули молодой поросли российской политики более сообразительные украинские и белорусские коллеги, которые продолжали нежиться в постелях.

— А что, телефон не работает? — вдруг поинтересовался вечно любопытный фотокорреспондент, ходивший слегка боком, на котором висело больше всего аппаратуры. Все озадаченно переглянулись: в резиденции главы республики отсутствует связь? Пример с Горбачёвым в Форосе во время ГКЧП был слишком свеж...

— Бурашин! — позвал со второго этажа старший группы, всю ночь продежуривший у дверей Ельцина.

Егор поднялся по ступеням, отрапортовал и перевёл взгляд на худощавого мужчину, стоявшего рядом с полковником. Лишних в домике быть не могло, и начальник представил:

— Это здешний лесничий, Георгий Константинович. Поедете с ним в Каменюки, привезёте машинистку. И не забудьте захватить бумагу и копирку. Естественно, машинку тоже. Чего дрожим?

— Северный полюс, — дал характеристику гостинице Егор.

— А что, не знаем, как согреться? — удивился полковник.

— Я на службе.

Тот едва не сорвался: “А мы?” — но в это время из комнаты напротив вышел Кравчук.

— Как Борис Николаевич? — с ехидной усмешечкой поинтересовался он у российских охранников.

— Выспался, бодр, уже работает, — заученно отчеканил полковник.

Кравчук снова усмехнулся, предупредил:

— Если вдруг поинтересуетесь мной, я на прогулке.

Егор вместе с ним стал спускаться вниз, но на последних ступеньках отстал, чтобы не открывать Кравчуку входную дверь: в швейцары не нанимались. Тем более к таким, как Леонид Макарович. Хочется самостоятельности — отныне и толкайте сами свои двери.

“Уазик” из местного гаража уже ждал у крыльца, и, объехав заваленные сугробами клумбы, посыльные нырнули в узкую лесную дорожку. Снег здесь расчистили под одну колею, и приходилось надеяться, что навстречу никто не выедет.

— Далеко? — спросил Егор у лесничего. “Уазик”, хотя и обтянутый внутри утеплителем, напомнил номер в гостинице, и хотелось побыстрее вернуться в тепло.

— По птичьему полёту — километров десять, напетляем все двадцать, — завидно кутался в заднем сиденье в полушубок лесничий. В таком одеянии хоть сотню накручивай!..

— Что тут у вас интересного помимо зубров? — попробовал отвлечься от холода Егор.

— Обитают ещё пятьдесят пять видов млекопитающих, двести четырнадцать — птиц, семь — пресмыкающихся...

“И ещё три вида поселились сегодня ночью”, — отметил про себя капитан, особо не вникая в пространный ответ лесничего.

Утренний снежок прекратился, но берёзки под его тяжестью нависали над дорогой заиндевельными шлагбаумами. Деревья так и не смогли загореть за лето, но особо удручающий вид представляли не они, а участки со старыми соснами, потерявшими хвою — словно высветились у леса рёбра, обглоданные зверьём. Спасала картину мельтешившая среди просветов лёгкая серебристая изморозь — так летом при заходе солнца вьётся столбиками у них в Журиничах над озером мошкара.

На скорости проскочили центральное здание заповедника. Лесничий лишь успел показать в замерзшее окошко памятник, на гранитном постаменте которого засыпал за “максимум” пулемётчик:

— В сорок первом трое бойцов здесь в полном окружении положили роту ээсовцев.

“И теперь трое собрались, да ещё ровно через пятьдесят лет”, — вновь машинально и без какой-либо связи отметил Егор. Командировка не нравилась ему ни по каким параметрам, а уж если исходить из бытовых условий, то лучше добывать воду в песках Аравийского полуострова, чем хранить остатки тепла в родном советском “уазике” посреди Европы.

Каменюки оказались основательно вытянутым вдоль центральной улицы селом. И, конечно же, по закону подлости секретарша директора жила на самом дальнем его краю. Видать, собирались “беловежские зубры” в Вискули всё же спешно и, скорее всего, не намечали ничего подписывать, ежели не захватили собственных машинисток. А вот после ночной баньки, видать, спохватились: если не появится пусть и дежурного, но письменного сообщения о встрече, у Москвы и народа возникнет вопрос: о чём шептались? Это в разведке молчание означает жизнь, а для политиков закрытый рот — смертельный приговор...

— Всё, Юра, тормози, — попросил водителя лесничий, когда поравнялись с раскрытой калиткой в одном из палисадников. В доме, выкрашенном в голубой цвет, из трубы валил густой дым, во дворе слышались голоса. Вроде рановато хозяйничать зимой.

— У-у, пенёк, — стукнул себя по лбу лесничий. — Какой сегодня день?

— Восьмое декабря. Суббота. Выходной, — перечислил водитель все параметры наступившего дня.

— У её мужа сегодня юбилей, шестьдесят лет! — сконфузился Георгий Константинович, захлопывая обратно дверцу кабины. — Хуже татар будем.

Он посмотрел на капитана, признавая его за старшего и испрашивая совета. Егор пожал плечами: если есть замена, давай возьмём другую машинистку. Хотя приказали везти именно секретаршу директора, с собственной машинкой...

“Ничем не могу помочь”, — развёл руками Егор, торопя Константиныча. Знобило всё сильнее, и Егор испугался: не хватало ещё заболеть!

Глава 13

Евгения Андреевна Потейчук примеряла к будущему праздничному столу скатерть, когда в сенцах завозились с дверной ручкой. Не справившись с ней, постучали.

— Андреевна, ты дома? — узнала голос главного лесничего заповедника. — Здравствуйте вам в хату.

— Заходи быстрее, не студи дом, — впустила внутрь хозяйка неожиданного утреннего визитёра. Муж хотя и не работает в дирекции, а вот начальство приехало поздравить. Приятно...

— Павел Григорьевич, с юбилеем, — протянул гость в знак особого расположения к хозяину обе руки для пожатия. — Извини, что без подарка — всю ночь на работе. И супружницу твою на часок-другой велено привезти.

— Кому там неймётся в выходной, что за срочность? — удивилась Евгения Андреевна.

— Да директору позарез потребовалось отпечатать какой-то документ. Думаю, ненадолго. Назад, не волнуйся, привезём.

Хозяйка обернулась на невестку, протиравшую фужеры. Та махнула краем переброшенного через плечо полотенца: езжайте, справимся, до прихода гостей ещё половина дня.

Евгения Андреевна набросила шубу, надела шапку и теперь уже сама подтолкнула бусурманина к двери — только быстрее. По привычке намерилась сесть впереди, но рядом с водителем располагался сумрачный незнакомый парень, она здравстнула с ним и поглядела на коллегу: кто? Лесничий махнул рукой — всё потом.

В дирекции их никто не ждал, и хотя сопровождающий остался в машине, Константиныч продолжал играть роль простачка:

— Нам тут взять лишь машинку и листы с копиркой. Балук в Вискулях.

— Так что сразу не сказал! Это же не ближний свет, — расстроилась Евгения Андреевна. Что за полуправда? Вроде и не обманули, а рассчитать время возвращения к гостям не можешь.

Лесничий взял со стола синюю “Оптиму”. Вилка в разболтанной розетке подгорела, и шнур не желал выдергиваться, отпускать машинку с исконно рабочего места. Уметь бы кому-то из них расшифровывать тайные знаки...

— Темнишь что-то, Константиныч, — собрав папку с бумагами, пожурла коллегу секретарша. Помогла справиться с розеткой.

— Сама всё увидишь, — не стал отрицать тот важности вызова, но и язык проглотил ещё глубже. История научила: его не вырывали только немцы.

А увидела Евгения Андреевна в Вискулях скопом всех тех, кто не сходил с экрана телевизора. Слушок по дирекции ходил, что могут приехать высокие гости, но их перевидали в Беловежье столько, что если всех держать в памяти, места для таблицы умножения не останется. Но тут оказались такие чины и такие персоны, что...

— Машинистка? — подошёл к ней незнакомый полный мужчина. — Сюда.

Провёл в небольшую комнатку под центральной маршевой лестницей. За ними боком, боясь наступить на волочившийся по полу шнур, внёс “Оптиму” Константиныч. Не успели разложиться, влетел с исписанными листами в длинных пальцах Бурбулис — уж его-то острое лицо с коротко посаженными глазами нельзя было спутать ни с каким другим. Как и тонкий, нудный с первой фразы голосок.

— Вам как лучше — диктовать или сами разберётесь? — шныряя глазками по листочкам и всем углам комнаты, спросил он.

С сомнением, но дал Евгении Андреевне возможность заглянуть в бумаги. На листках почерк оказался разный, но одинаково неряшливый, с множеством вставок и зачёркиваний, и она осмелилась:

— Лучше диктовать.

Бурбулис намерился сразу начать работу, но вошёл молчаливый парень, который сопровождал её в машине. Помог снять шубу. Протянул руку и за шапкой, но Евгения Андреевна вспомнила, что не успела причесаться, и трогать головной убор не осмелилась. Подвигала машинку, устраивая поудобнее. Вот теперь готова. Однако Бурбулиса позвали со второго этажа, он взглядом настоятельно попросил охранника выйти, и Евгения Андреевна, оставшись в одиночестве, уже спокойно заглянула в оставленные листки. Сначала выхватила несколько фраз, но потом они сложились в текст, и руки, зависшие над клавиатурой, задрожали. Испуганно оглянулась: знают ли другие, какие бумаги ей дали печатать? А Союз ССР — это СССР? “Союз ССР как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекращает своё существование...”

Как прекращает? Когда? В честь чего? Глупость какая-то.

Рядом вырос очередной незнакомец в строгом тёмном костюме. А раз в пиджаке и при галстучке, то либо высоко партийный, либо из КГБ.

— Ну что, теперь по всем Каменюкам будешь рассказывать, что печатаешь?

Она ещё ничего не печатала. Но потому, что назвали пренебрежительно на “ты”, что испортили юбилей мужа, что ничего не сказали заранее, что в шапке становилось жарко, что документы государственные, а не для заповедника, а подошедший даже по телевизору не знаком, — огрызнулась:

— Будь слишком разговорчивая, не работала бы тут.

— Извините, — понял свою ошибку надсмотрщик и сам огляделся по сторонам: не заметил ли кто из начальства нервозность машинистки? Нервничают нынче все, но при каком-либо срыве мероприятия нагоняй получит крайний.

Вместо Бурбулиса в комнатку бочком протиснулся министр иностранных дел России Козырев. Бочком же, как сова, посмотрел на бумаги. Она отметила его крючковатый и словно бы прищемлённый нос — будто однажды

просунул его куда не надо, а дверь взяли и прихлопнули. Но то были личные проблемы министра, а ей требовалось печатать. Только вот руки продолжали дрожать.

— Соглашение, — немного гнусаво начал диктовать Козырев.

Терпеливо дождал, пока Евгения Андреевна сменит листы — в первом же слове от волнения сделала ошибку. Чувствовала, что российский министр торопится, но подгонять, слава Богу, не стал, и она осталась ему благодарна.

— Соглашение, — повторил Козырев, хотя увидел, что Евгения Андреевна уже перепечатала заглавие. Тоже волнуется? — Принимая во внимание...

Заглянул мимоходом знакомый охранник. Его лицо с красными воспалёнными глазами выражало озабоченность, словно по обстановке в комнатке он хотел понять, какой важности документ печатает попутчица, но Евгения Андреевна уткнулась в машинку со стёртыми до металлического блеска краями рядом с клавиатурой. Кто тут чего удумал — её дело маленькое, она из Каменюк, ей не тягаться с верхушкой из Москвы, Минска и Киева. Чай, не дурнее её. А охранничка жалко — похоже, болеет. Чаю бы с медом ему и пропотеть... Пожалела и своих, домашних — как там без неё соберут стол? И сколько времени ей придётся здесь пробыть? Надо выкроить минутку позвонить домой, предупредить о задержке...

Козырева вновь сменил Бурбулис. Не успев начать диктовку, вернулся на чей-то возглас обратно. Нервозность гостей передалась и ей, стало доходить, что документ, который она печатает, — это серьёзно, очень серьёзно, то есть, по-настоящему. Но нет, не может быть! Прямо вот не нашлось во всём Советском Союзе на такой документ машинистки, кроме как в Каменюках!? Скорее всего, она распарилась в тепле и недопонимает мудрёных фраз...

— Печатаем дальше, — раздалось за спиной, и Евгения Андреевна вздрогнула: в комнатке незаметно обосновался небольшой человечек с чёрными усами. По телевизору тоже не раз его видела, но фамилия сразу не вспомнилась, потому что даром была не нужна.

Незнакомец прочёл из-за её плеча уже отпечатанное и безошибочно продолжил текст, которого она ждала с наибольшим страхом:

— "...констатируем, что Союз ССР как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекращает своё существование..."

Далее перечислялись многозначительные и непонятные пункты, статьи, ссылки и уверения всех в вечной дружбе. После последнего, четырнадцатого пункта, в котором столицу нового государства переносили в Минск, диктовщик крикнул в дверной проём:

— Ну что, оставлять подпись под Назарбаева?

— Оставляй. Он уже в Москве.

— Надо заканчивать, — скорее для себя, чем невидимого собеседника, проговорил усач и так резко вырвал отпечатанные листки из каретки, что валик взвизгнул. Наэлектризованная копирка не хотела отлипнуть от бумаги, и Шахрай — да-да, точно Шахрай, она вспомнила, по-украински это ещё означает "мошенник", смеялись над фамилией, — нетерпеливо стал сдирать её с документа ногтями. Копирка взамен притянулась к его волосатой руке, и "мошенник" принялся отмахиваться от чёрных листков, как от дьявольских меток.

— Вам принести кофе? — на этот раз в комнатку заглянула официантка с подносом, и Евгения Андреевна торопливо кивнула — да-да, дайте попить. А ещё лучше — отпустили бы домой. Там гости, там семья, там всё понятное и родное, и соседи по ночам топоры и косы друг на друга не точат...

— Машинистку отпускать? — вновь кто-то "позаботился" о ней.

— Пусть посидит. Ждём до последнего, вдруг Назарбаев всё же решится...

До последнего ничего не сообщали и журналистам, которых захватил по личной инициативе в Вискули премьер Белоруссии Кебич. Из гостиницы, в отличие от охранников, их не привозили до тех пор, пока не расставили последние запятыя в тексте Соглашения: чтобы не пугались под ногами, не задавали лишних вопросов и раньше времени не проговорились. Хотя кому проговариваться? Связь в резиденции оставили только внутреннюю, из посторонних — директор заповедника, лесничий да машинистка.

Вообще-то подписывать на встрече ничего не планировалось. Поговорить узким кругом о том, как урезать права доставшего всех Горбачёва, — да, тут желание у всех совпало, в первую очередь, у Ельцина, который не мог простить президенту СССР свои предыдущие унижения.

Вовремя подсутились и те, кто ходил под Борисом Николаевичем. Шахрай выдвинул саму идею — Советский Союз как бы легально существует, но уже ничем не управляет. У министра иностранных дел России Козырева от одного этого возбуждённо заблестели глазки. Бурбулис пошёл дальше и осторожненько, по-лисий выглядывая реакцию окружающих, выстроил фразу про то, что СССР как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекращает своё существование.

Едва это прозвучало вслух, в делегациях онемели. Даже Кравчук, ратовавший за наибольшую самостийность, посмотрел на Ельцина, ожидая грома и молнии на голову зарвавшегося госсекретаря. Но президент России или вообще не слушал выступавших, или после ночной бани до него просто не дошёл смысл произнесённого. Тут даже белорусы хмыкнули: раз русским ничего не надо, то им — тем более. Заварили москали кашу, пусть и готовят её до конца. Соглашение — так соглашение!

Замешкались на другом — очень хотелось подтянуть на подпись хотя бы ещё одного президента из союзных республик. Более всего подходил Назарбаев, авторитету которого в стране отдавал должное даже Ельцин. Ради этого даже пошли на изменение заглавной формулировки документа: вместо первоначально одобренной фразы “Союз славянских государств” записали — “независимых”.

Однако время шло, а вестей от казахстанского президента, которого попросили срочно прилететь в Беларусь, не поступало. Приходилось признавать очевидный факт: Нурсултан Абишевич или по-восточному хитро решил выждать на стороне, или его самолёт просто не выпускают из Москвы, где он приземлился на дозаправку. Так что машинистку можно было отпустить: под документом, к сожалению, останутся лишь три подписи. Точнее, шесть — для большей его легитимности решили присовокупить к главам государств и премьеров.

Где-то к четырнадцати часам в фойе стали заносить столы. В центре установили бело-красно-белый флажок Белоруссии, по правую руку — российский триколор, по левую — жовто-блакитный Украины.

— Авторучки, надо положить на стол авторучки. Вдруг у них не окажется.

— Попросите у журналистов.

— Куда подевали папки?

— Кто отвечает за журналистов? Никаких вопросов Ельцину! Никаких!

Милая бестолковщина, если не знать уровень встречи.

Ельцин как раз спускался по лестнице с левого крыла анфилады, нависавшей над фойе. Как ни хорохорились, ни старались держать независимый вид Кравчук и Шушкевич, главным действующим лицом оставался Борис Николаевич. Подними он сейчас на смех ночное эпистолярное наследие своих помощников, выгоны их взашей на мороз прочистить мозги, все дружно закивали бы, возможно, даже с облегчением, что затея сорвалась. Для того и наступает утро, чтобы стать мудрее себя вчерашних...

Но Борис Николаевич молча направился к своему флажку. К столам торопливо шагнули и Кравчук с Шушкевичем: у Ельцина что с правилами протокола, что с нормами приличия всегда было туговато. Плюхнется хозяином на стул первым, а ты потом мельтеша, изображай равноправность...

Успели, порадовав телевизионщиков синхронностью. Шефы протоколов подсунули папки с документами. Ни речей, ни гимнов, ни благодарности, ни сожаления. Шесть размашистых подписей в гробовой тишине — и всё! Оказалось, чтобы прекратить существование империи, не нужны ни войны, ни миллиарды, — надо просто вырастить амбициозных политиков, столкнуть их лбами, заставить их грызть друг друга. Старееющее Политбюро не захотело делиться властью с выросшим подлеском, и молодая поросль сама рванула вверх так, что затрещали суставы-сучья у вековых дубов. Хотя какая молодая! И Ельцин, и Кравчук, и Шушкевич десятилетиями подвизались на ниве политпросвещения и пропаганды КПСС. Неуёмные амбиции и месть двигали ими в этот день.

Заместитель главного редактора белорусской “Народной газеты” Валерий Дроздов по журналистской привычке зафиксировал время подписания документов, а по сути, распада СССР — 14 часов 17 минут. По иронии судьбы, на циферблате его часов были прорисованы контуры Советского Союза!

— Ну, а что же никто ничего не спрашивает? — удивился, явно красуясь перед журналистами, Ельцин.

Зная непредсказуемость российского президента, Кравчук и Шушкевич тоже вышли вперёд. Вопросов, согласно предварительной установке, не возникло, и тогда Ельцин сграбастал врагов-единомышленников, подтянул к себе: вот так мы всегда будем вместе.

Из столовой выплыли официантки с подносами, на которых стояли фужеры с шампанским. Раздался хрустальный звон, приглушённые здравицы. Веселья тем не менее не получалось, не говоря уже о торжественности. Вольно или невольно, но делегации стали группироваться вокруг своих лидеров, одинаковыми полосами магнитов отталкивающих друг от друга. Премьер Беларуси даже вышел на улицу, несмотря на тридцатиградусный мороз. Вгляделся в сумрачное небо.

— Не летят? — поинтересовался у возникшего рядом фотокорреспондента АПН Юрия Иванова, не доверяя своему слуху и зрению.

— Кто?

— Бомбить.

Удивиться или уточнить слова премьера Иванов не успел — из здания вышли директор заповедника Сергей Сергеевич Балюк и наконец-то освободившаяся машинистка. Медленно, боясь поскользнуться, они сошли на вычищенный к приезду гостей тротуар, направились к воротам, за которыми их ждал заиндевший “уазик”. Осознание того, что они оказались первыми, кто узнал о ликвидации Советского Союза, что своими глазами и ушами всё видели и слышали, а более того, и печатали документ, повергло их в глубокое смятение. Но молчать оказалось ещё тягостнее, и Евгения Андреевна побабьи взяла вину на себя:

— Развалили мы с вами Советский Союз, Сергей Сергеевич.

Оглянулись назад, на светящийся огнями домик, где продолжалось настороженное веселье. Балюк развёл руками: а что мы могли сделать?

— Если бы знала, оделась бы в траурное, — хоть так попыталась оправдаться Евгения Андреевна.

А у противоположных ворот, которые вели к аэродрому, заходясь в кашле, мёрз Егор Буерашин. Едва поняв суть беловежской встречи, он выскользнул из резиденции и перекрыл отход заговорщиков к самолётам. Не сомневался: раз о встрече знали в Москве и, скорее всего, догадывались о возможных решениях, то с минуты на минуту в Вискулях должны появиться десантники или обыкновенная зековозка.

Но время шло, гул в доме нарастал, а никто не летел и не ехал. Горбачёв надеется, что всё рассосётся само собой? Тогда где КГБ? Под каким кустом, на какой ветке сидят и прячутся? В крайнем случае, почему молчит “кап-раз” со спецназом ГРУ? А если изначально был политически бессилен, зачем послал его сюда? Констатировать факт? Завтра в газетах обо всём можно прочесть, не влезая в тапочки. Или заговорщиков будут брать на аэродроме? Или каждого в отдельности по прибытии в Москву, Минск

и Киев? И неужели ещё кто-то будет носить им сухари в Лефортово? А уж памятника, как советским солдатам из 1941-го года у въезда в заповедник, им точно никогда не поставят...

Ельцина, Кравчука и Шушкевича занимало иное: кому и как сообщить о свершившемся? Без огласки Соглашение как бы не фиксировалось, не обрело силу. Ельцин показал рукой на второй этаж, и Кравчук с Шушкевичем пошли, как на Голгофу, вверх по ступенькам в номер российского президента. Дождавшись, когда закроется дверь, Ельцин не без удовлетворения назвал первого адресата:

— Я думаю, теперь надо и Михаилу Сергеевичу сообщить.

При этом усмешкой дал понять, что лично он этого делать не станет. Кравчук стоял с каменным выражением лица: основное для меня сделано, больше я ни в чём не участвую. Ельцин, прекрасно поняв Леонида Макаровича, запустил бильярдный шар в белорусскую сторону:

— Станислав Станиславович, ты с ним больше всех разговариваешь, позвони. Ну, и мировую общественность, наверное, надо проинформировать. Кому сообщим первому?

— Ты его лучший друг, — не называя имени и страны, вернул шар российскому президенту Шушкевич.

Так и стали созваниваться: о неприятном — Шушкевич в Москву, Ельцин о радостном — американскому президенту Бушу. Козырев, владевший английским в совершенстве, подсел рядом за переводчика. Первыми зацепились они и за абонента.

— Джордж, привет.

Ельцин мог себе позволить подобную фамильярность в общении с Бушем хотя бы потому, что в российских структурах власти к этому времени работало около двухсот американских советников, перелопачивавших законы, политику и экономику страны на американский лад.

В это время отозвался и Горбачёв. Узнав голос белорусского председателя Верховного Совета, вдруг неожиданно и заискивающе обратился к нему на “вы”, чего никогда не делал:

— Что там у вас?

Ельцин отвернулся, чтобы разговор Шушкевича с Кремлём не перебивал его беседу с Вашингтоном. Собственно, Горбачёв улетал, как олимпийский Мишка, в небытие и уже ни на что не влиял, ничего не озарял и ни к чему не вёл. У него уже отобрали судейский свисток и отстранили от игры, но он, не желая верить в случившееся и свою нынешнюю никчёмность, начал кричать Шушкевичу от кромки поля:

— Да вы понимаете, что вы сделали?! Вы понимаете, что мировая общественность вас осудит? Гневно!

Шушкевич отстранил от уха трубку, давая и остальным послушать разговор и оберегая собственный слух.

— Что будет, когда об этом узнает Буш? — не унимался Горбачёв.

Ельцин уже простался с американским президентом, и Шушкевич пожал плечами:

— Да Борис Николаевич уже сказал ему обо всём. Нормально он воспринял.

В трубке, наконец, установилась тишина, и Шушкевич, используя момент, отключил аппарат. Не глядя в глаза друг другу, а ещё больше боясь, что телефоны зазвонят и придётся вновь объясняться, заговорщики поспешили выйти из апартаментов Ельцина. Когда-то именно в них провёл свою единственную бессонную ночь Хрущёв. Потом уверял всех, что находится в таком номере можно лишь беспамятно пьяным...

Первыми Вискули покинула украинская делегация — едва начало темнеть. Под покровом уже сплошной темноты увёз на аэродром Ельцина его персональный “ЗИЛ”. Проводив гостей, дал команду на отлёт и Шушкевич. Все трое клятвенно договорились лететь в Минск и дать в новой столице СНГ совместную пресс-конференцию, но в небе самолёты взяли курсы в разные стороны. Лидеры трёх государств разлетелись, чтобы больше никогда за свою

политическую карьеру не встретаться вместе. И ни разу не посетить Беловежскую Пущу*.

Только через пять дней после прибытия из Вискулей Ельцин испугается по-настоящему. 13 декабря в Ашхабаде соберутся лидеры бывших Республик Средней Азии и в противовес славянскому Союзу предложат создать тюркский — Центрально-азиатскую конфедерацию, которая бы раскалывала бывший СССР по оси Европа — Азия. Ельцин в лучшем случае мог остаться губернатором Московского края, и потому каждые полчаса звонил Назарбаеву, умоляя вразумить собравшихся. Чаша Горбачёва не была испита им до дна только благодаря Нурсултану Абишевичу, уговорившему ашхабадских гостей повременить с созданием конфедерации: мы же все из Советского Союза, были партийными руководителями...

Не лукавил. Борис Николаевич Ельцин — секретарь ЦК КПСС. Шушкевич Станислав Станиславович более двадцати лет состоял в рядах партии. Кравчук Леонид Макарович партийной работой занялся едва ли не раньше всех — в 1960 году, и не простым клерком, а на самых острых направлениях: возглавлял отдел пропаганды и агитации, заведовал идеологическим отделом ЦК Компартии Украины. Бурбулис Геннадий Эдуардович преподавал в Уральском политехническом институте марксистско-ленинскую философию. Кебич Вячеслав Францевич заканчивал Высшую партийную школу. Премьер Украины Фокин Витольд Павлович являлся членом КПСС с 1957 года...

Во времена, когда на охоту в Беловежье ездил царь Александр II, самым зрелищным моментом считался так называемый царский штрек, когда добытые туши свозились ко дворцу и укладывались перед парадным входом. В первом ряду располагали по видам дичь, подстреленную государем императором, за ней — добычу других участников охоты. Трофеи любовно украшались гирляндами дубовых веток. Здесь же выстраивалась вся охотничья команда. По краям стояли дворцовые работники в красных рубашках и с факелами в руках, освещая счастливые лица участников праздника. Начинались подсчёт туш и их взвешивание, после чего устраивался грандиозный ужин. Собирали на площади и жителей Беловежи, чтобы раздать им часть добычи.

Как, в какой последовательности выстроится в истории участники охоты на СССР? Захотят ли они, чтобы ярко горели факелы, освещая их лица? Кто будет взвешивать и оценивать трофеи? Эти мысли не давали покоя Егору Буерашину, пока летел до Москвы и добирался до дома. Кого обманывала всю жизнь беловежская троица — себя или других? Зачем десятилетиями призывали и вели за собой коллег, подчинённых, студентов, целые народы, если ни во что не верили? Или это и составляло их истинную натуру — ломать жизнь другим, мешать другим, надзирать над другими и поучать их? предавать и бросать! И вновь тащить, звать и увлекать за собой. Кто же они?

Милые Августины. По оперативной терминологии — “кроты”, выгрызающие всё изнутри. И неужели он им будет служить дальше?

Глава 14

Егор появился в хате настолько неожиданно, что Фёдор Максимович выронил из рук пакет с макаронами. Трубочки покатились по полу под ноги сыну, и тот, чтобы ненароком не наступить на них, отступил к порогу.

— Ты... как?

— Автобусом. — Егор наклонился, стал собирать макароны. И по той разнице, как шумно привозили сына в прошлый раз и как втихомолку оказался он дома сейчас, — в том угадывался Фёдором Максимовичем плохой знак.

---

* Бориса Николаевича, приезжавшего в 1995 году на празднование 50-летия Победы в Брестскую крепость, пригласят посетить и Беловежье. Ради такого случая там даже обновили теннисный корт, завезя для него из Чехии песок. Но президент России, словно совестясь воспоминаний, уклонился от приглашения.

— А...

— Не стал никого тревожить, без шума спокойнее, — прочитал недоумение отца Егор и, наконец, обнял его. И впервые почувствовал, какая худая у него спина...

Объяснение немного успокоило Фёдора Максимовича, и он затоптался по дому, хватаясь за сто дел сразу. В итоге, не одевшись, поспешил в огород. Там, разметав ногой снег, подступился к соломенной копне, притулившейся к стенке сарая. Уготованная для подстилки скотине, солома служила ещё и незаменимой кладовой для яблок. Фёдор Максимович полез рукой вглубь стожка, отыскивая на ощупь антоновки. Закладывал по осени яблоки далеко, детской рукой не долезть, потому и сохранялись до самой весны на радость внукам. А Егору будет подарок из детства, давненько он зимой не наведывался домой.

Угодил. Сын, уже награждавший подарками проснувшихся племянников, сразу ухватил яблоко, впился в него зубами. Оставив от огрызка только хвостик, заинтересовался, словно отсутствовал в селе только день:

— Как живёте тут без меня? Какие новости?

— Какие могут быть новости! Волки вон на село пошли, крутятся под свахиным забором.

Про Тузика промолчал, ребята тоже опустили головы.

— Отстреливать пора.

— Кому? Зверя не обманешь, он слабинку чует за три версты. А новости — они у вас в Москве, хоть телевизор не включай. Васька, воткни шнур в розетку.

Внук поднял с пола шнур с привязанной верёвочкой: перед сном, чтобы не вставать с постели, дёргали за неё и выключали телевизор. По экрану шла рябь, хотя Васька и попытался покрутить ручку настройки. В итоге выбрать пришлось что-то одно — либо звук, либо резкость.

— Послушаем, — остановил внука Фёдор. Сам незаметно попробовал ноги — вроде работают, можно лезть в погреб. Там и грибов баночка должна где-то затесаться, сваха пырнула по осени. Хорошо, что картошку в печь поставил вариться, да как знал — полный чугунок. — А вы чего портфели не собираете? — прикрикнул на внуков.

— Дед, так мы же с третьего урока, — глянул Васька на ходики.

В селе зимой испокон веков учатся днём, когда не так холодно и больше света в классах.

На крыльце затопали, сбивая снег с обуви, и в дверях появился военком, вновь зацепившийся раненой ногой за высокий для него порожек.

— Непорядок! — с ходу напал он на Егора. — Мне говорят, видели вас и точно поехал на автобусе. А я не поверил, потому как нельзя так. Думал, догоню, высажу и заставлю пешком идти. С приездом.

Вновь первое внимание уделил Егору, потом лишь хозяину. А Фёдору Максимовичу это только в радость — гордость за детей и внуков сияет ярче собственных дел. И спокойствия больше: раз майор рядом, значит, и впрямь волноваться не за что.

— Анна, стол пустой, — приказал внучке готовить еду.

Пока всем гуртом занимались сервировкой, по телевизору прорезался голос Ельцина. Егор и военком вслед за хозяином прошли во вторую половину хаты, в которой на круглом столе доживал свой век под вышитой салфеткой старенький белорусский “Витязь”. Егор по памяти безошибочно покрутил нужные ручки, и вместо звука появилось изображение, заставившее Фёдора Максимовича вздрогнуть: протянутая вперёд левая рука Ельцина с обрубленными пальцами напомнила перебитую лапу волка, растерзавшего Тузика. Егор постучал по крышке “Витязя”, и вместо Ельцина проявилось искажённое полосами лицо президента СССР.

— Оставь, оставь, — попросил отец.

Горбачёв собирался зачитывать какое-то сообщение, бумажка дрожала в его руках, и Егор торопливо принялся ловить звук. Из мутного экрана доносилось:

— В силу сложившейся ситуации с образованием СНГ прекращаю деятельность на посту Президента СССР. Только что мной подписан указ

о сложении президентом СССР полномочий Верховного главнокомандующего Вооружённых сил СССР и о передаче права на применение ядерного оружия президенту Российской Федерации...

Звук хрипел, угасал, и стало слышно, как погнал под окнами короткохвосток петух. Чего они делают в палисаднике зимой? Опять Степан пожадничал чулан открыть? Где живности прокорм в снегу найти! Самого бы вот так же...

— А как же теперь... награда? — глянул растерянно на сына.

Тот закусил губу, но совладал с собой, усмехнулся как над чем-то мелким, несущественным:

— Значит, не успели*. Значит, пойдём в этой жизни как нелегалы.

— Какие нелегалы? — не понял отец.

— Разведка. У них девиз хороший... — Егор замылся, глянул на поникшего и растерянного отца и произнёс лишь вторую часть: — "...во славу Отечества".

— Но заработанное-то отдай, — по-крестьянски не понимая несправедливости, поднял взгляд на сына Фёдор Максимович.

— Ничего. И это я виноват... — кивнул на экран. Конечно, он. "Капраз" ему дал вымпел как символ самостоятельного принятия решений. А он не принял... — Надо было мне действовать самому, а не ждать приказов!

Его не поняли: каких приказов надо было ждать? Но Егор отмахнулся:

— Закрыли тему.

Пальцы выбивали на дверном косяке чечётку, и, увидев свою нервозность, отдёргнул руку. И сам же не выполнил приказ насчёт молчания, не удержав внутри себя боль:

— И кому сделали лучше?

Телевизионный диктор охотно объяснил:

— Как подчеркнул в своём заявлении президент США Джордж Буш, "Соединённые Штаты приветствуют исторический выбор в пользу свободы, сделанный новыми государствами содружества. Несмотря на потенциальную возможность нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим интересам", — подчеркнул Буш.

— А вот теперь всё ясно. Цинично, зато откровенно, — усмехнулся Егор. Приложил ладони к печи, и, хотя нагретые кирпичи жгли руки, не отстранял их, словно через боль наказывая себя за одному ему ведомый проступок.

— А м-можно нам не п-пойти сегодня в школу? — поймала нужный момент Анна.

— Можно, — разрешил Егор. — Налей нам, отец.

Фёдор Максимович, присевший послушать новости на табурет, не вставал, растирал ноги, и Егор сам прошёл к серванту с посудой. Заграничные бутылки, оставшиеся с прошлого приезда, отодвинул, взял за тонкое горлышко бутылку водки. Сдёргнул за ленточку алюминиевую бескозырку-пробку. Провёл булькающую пол-литровку полумесяцем над стаканами. Протянул первый растерянному военкому, разрывающемуся между необходимостью мчаться к служебным телефонам и страхом остаться одному перед рухнувшим миром. А здесь хотя бы Герой, человек из Москвы, из самой охраны Ельцина...

Подошёл, задевая половики, вслед за Егором к Фёдору Максимовичу. Тот, не дождавшись объяснений от сына, глянул на военкома как на должностное лицо:

— Что же они творят...

— Пьём! — прервал стенания Егор.

Поднял стакан. Подождали друг от друга тоста. Но говорить было нечего, и выпили, как на поминках, не чокаясь и молча. Испугавшись хмурой тревоги взрослых, Васька сам увёл в школу Аньку, на ходу набивавшую портфель гостинцами.

---

* Последним Героем Советского Союза станет военный акванавт, водолаз-глубоководник, капитан III ранга Леонид Михайлович Солодков — указ о присвоении звания подписан 24 декабря 1991 года.

— Дядя Егор приехал, — прокричала с улицы в закрытую дверь родительского дома.

На крыльце тут же появилась Вера Сергеевна. Счастливые лицо девочки и пузатый от подарков портфель подтверждали причину её радостного настроения. Торопливо скрылась обратно в сенцах, прислонилась к дверному косяку. Прикрыла глаза. Если бы Егор в августе пришёл, как обещал, вечером в их лагерь! Если бы он, а не Борис...

— Ты чего, Вер? — выглянула из избы Оксанка.

— Ничего. Собирайся в школу, Анька с Васькой уже пошли.

— Там по радио какие-то новости про Советский Союз говорят...

Вера отмахнулась: при чём здесь Советский Союз, тут бы зиму прожить в заметённых сугробами, обложенных волчьими следами Журиничих.

Зато недалеко по улице, в избе брянского лесника держали за страну гранёные стаканы три её воина — старый партизан, прошедший Афганистан военком и бросивший начальству вместе с погонями рапорт на увольнение спецназовец, не успевший стать Героем Советского Союза. Пили коренники, рабочие лошадки, которых ни о чём не спросили, о которых политики и не вспомнили при своих играх с Союзом.

Эх, по третьей!

Угнетённые стенами, вырвав за шнур изображения кривляющихся друг перед другом президентов, мужчины убито вышли из дома на улицу. Вышел морской диверсант, три месяца вырывавшийся из колумбийской сельвы на родину, которая теперь осталась только на картах. Уже привычно зацепившийся раненой ногой за порожек артиллерийский корректировщик огня, оставивший здоровье на афганских склонах. И старый партизанский разведчик, пускавший под откос фашистские поезда, идущие на Москву. Вроде бились насмерть за правое дело, но когда пропустили врага в столицу? Почему не разглядели на дальних подступах — ни в горах, ни на море, ни в лесах? И теперь, 26 декабря 1991 года, им оставалось черпать ладонями колкий морозный снег и растирать им лица.

Не помогало.

Не трезвели.

И только, давая надежду, тянулись из деревенских труб к застывшему от мороза небу белые, извивающиеся под собственной тяжестью столбцы дыма...

(Продолжение следует)